

"Гризли выходит на охоту... (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Гризли выходит на охоту...

<http://ficbook.net/readfic/2669758>

Автор:БольшаяМедведица (<http://ficbook.net/authors/887009>)

Беты (редакторы): Deserett

Фэндом: Ориджиалы

Персонажи: Гризли / Зайка

Рейтинг: NC-17

Жанры: Слэш (яой), Драма, Психология, Повседневность, POV, Hurt/comfort

Размер: Миди, 50 страниц

Кол-во частей: 9

Статус: закончен

Описание:

- Если я сделаю Вам минет, Вы перестанете надо мной издеваться?

- Ну как тебе сказать. Слишком много времени, сил и нервов я на тебя потратил. Боюсь, минетом тебе, мальчик, не обойтись.

- Что. Вы. Хотите.

- А то ты не понял?! Тебя! На всю ночь!

Публикация на других ресурсах:

Можно я это сделаю сама.

Примечания автора:

От любви, до ненависти - один шаг.

А сколько их нужно пройти, чтобы превратить ненависть в любовь. Не сбиться, не устать и все-таки дойти...

===== Глава 1 =====

Скучно!

По венам теплом и негой медленно разливается элитный коньяк. Громкая, агрессивная музыка грохочет в голове, бьет по ушам, и даже через закрытые веки я чувствую яркие всполохи цветомузыки, вдыхая сумасшедший коктейль из запахов разгоряченных тел, алкоголя, табака и

парфюма.

Просто безумно скучно!

Пытаюсь спрятать себя от всей этой вакханалии за полуприспущенными портьерами VIP-ложи, но получается откровенно плохо. Сегодня я в обязательном для вечеринки карнавальном наряде: замшевые штаны и жилетка на голое тело, мягкие сапоги, серый пушистый хвост, ободок с ушками на русых волосах и хищный прищур зеленых глаз. Я - Серый Волк!

Рождественский маскарад в шикарном ночном клубе «Лунная долина» в самом разгаре, девочки-мальчики, согласные на все и чуть больше... откровенные карнавальные костюмы... томные, похотливые взгляды...

О Господи! Дай мне терпения и не дай мне загрызть кого-нибудь из постоянно фланирующих мимо силиконовых кукол и доступных сладких мальчиков, так нежно и маняще улыбающихся в надежде на халявную выпивку и оплаченный секс. Реально бесят и нереально возбуждают.

Снова закрываю глаза, и, откинувшись на невысокую спинку мягкого дивана, пытаюсь найти в себе желание и силы спуститься на танцпол, но бархатные мебельные объятия и тоскующая на низком столике бутылка Hennessy XO не отпускают, погружая в невеселые мысли о себе, любимом.

<center> *</center>

Медведев Станислав Сергеевич, тридцать лет. Совладелец охранного агентства «Гризли», «дорогой» друг и «самый важный» клиент большинства элитных заведений и крупных предприятий нашего города. А как же иначе, ведь это именно мое агентство хранит покой и обеспечивает их безопасность. Владелец роскошного пентхауса в центре города и черного, как ночь, Audi A8. Владелец высокой статной фигуры (спасибо матушке-природе и папе с мамой), позволяющей не задумываться о здоровом питании и дающей возможность практически стопроцентной победы в спаррингах с коллегами по работе в спортивном зале, а также железных нервов и отменного здоровья.

Мне было семнадцать лет, когда погиб отец, ничего не оставив нам с матерью, кроме долгов. Маман, недолго думая, продала единственную оставшуюся после выплаты всех отцовских кредитов недвижимость, записанную на нее - дорогой загородный особняк. Купила мне маленькую однокомнатную квартирку, выделила небольшое ежемесячное содержание и, выскочив замуж за бывшего лучшего друга отца, укатила с ним в бессрочный медовый месяц. Я с грехом пополам окончил школу (никакого же контроля). О поступлении на бюджет можно было даже не мечтать, а денег на платное образование у меня просто не было.

Через неделю после восемнадцатого дня рождения меня обрадовали две новости: повестка из военкомата и звонок от маман с информацией о том, что мальчик я теперь совсем взрослый, поэтому должен учиться выживать самостоятельно. Вот я и учился! Поразмыслив немного, сдал квартиру так вовремя женившемуся сыну соседки и ушел «топтать сапоги». Родина звала, ждала и возлагала надежды. Я их оправдал.

Вернулся из армии с нехилым багажом: два друга - Максим и Андрей, которым я мог доверить спину, оружие и, возможно, даже любимую девушку; обдуманное и отшлифованное за два года мысли по дальнейшему выживанию и бизнес-планы; понятие и понимание термина «дисциплина»; приученное к повышенным физическим нагрузкам тело; а также - кличку «Гризли», данную мне сослуживцами не только за фамилию, но и за крутой нрав и непредсказуемость. Все это вместе взятое позволило нам открыть небольшое охранное

агентство, которое в первый год выживало только за счет предприимчивости и ума Андрея, упорства и оптимизма Макса и моих кулаков. И вот спустя почти десять лет половина организаций и предприятий города с гордостью вывешивала, а другая половина мечтала повесить на своих дверях наклейку «Объект охраняется ЧОП «ГРИЗЛИ». Сегодня и клиенты знают меня под милым прозвищем - Гризли, а коллеги по работе «нежно» называют ЭСЭС. Да, и еще: я наглая сволочь и циничный ублюдок, не привыкший к отказам и не способный на какие-либо нежные чувства.

<center> *</center>

Громкий свист и визг с танцпола вырвали меня из воспоминаний и вернули в реальный мир, взорвавшийся новой порцией убийственных ритмов и слепящего света. Глаза открывать не хотелось, двигаться тоже. Хотелось секса. В принципе, проблем с этим в клубе для меня никогда не было, весь местный персонал знал, что любое мое желание должно выполняться быстро и желательно молча, поэтому минет от официантов не вставая с дивана всегда был приятным бонусом. Лиц я не запоминал, именами не интересовался, но за удовольствие платил щедро, а штатными и залетными профессиональными давалками брезговал и избегал.

Как по заказу у столика кто-то остановился...

- Желаете что-нибудь еще? - приятный мужской голос с легкой хрипотцой.

- Отсоси! - я кидаю на столик несколько мятых купюр и в предвкушении шире раздвигаю ноги.

- Данная услуга не входит в перечень моих обязанностей.

Это что сейчас было?! Мальчик набивает себе цену?!

Открываю глаза и встречаюсь с абсолютно спокойным взглядом серых глаз. Молодой парнишка лет двадцати, темный ежик волос, неизменный на сегодня ободок с заячьими ушками, обычная фигурка в обтягивающем серебристом комбинезоне... Зайка-официант!

- Я сказал - ОТСОСИ! Или я мало заплатил? - на стол летят еще несколько бумажек.

- К сожалению, я не знаю расценок. Но если вам пока больше ничего не нужно, я подойду позже.

И Зайка-камикадзе с прямой спиной и подрагивающим в такт шагам хвостиком-пуховкой уходит в сторону барной стойки.

Безразличие на моем лице сменяется воистину волчьим оскалом, адреналин проносится по венам, вымывая остатки алкоголя, жизнь вдруг перестает быть серой и скучной, расцветая яркими красками азарта. Гризли выходит на охоту! Беги, Зайка, спасайся - если сможешь!

- Это кто? - ловлю за руку пробегающую мимо Белочку и киваю в сторону замершего у бара парня.

- Новый официант, Женя, - девушка смотрит на меня испуганными глазами, мелко дрожат и звенят на подносе бокалы.

- Зови Вадика сюда, бегом!

Официантка улетает в сторону двери в служебные помещения, по дороге успев сунуть в руки

коллеге поднос - с пока еще целой посудой.

Не спуская горящего злого взгляда с парня, посмевшегося мне отказать, жду появления старшего администратора клуба, Вадика. Пухлый молодящийся гей появляется буквально через пару минут и разноцветным снеговиком застывает у моего столика.

- Вадик, присаживайся, не стесняйся, - мой ласковый тон вряд ли может обмануть этого умного и прожжённого циника с безобидной внешностью. Снеговик почти изящно стекает на диванчик.

- Станислав Сергеевич, вас что-то не устраивает? Заменить коньяк или...

- Вадик, - перебиваю я мужчину, - меня перестали уважать в этом клубе, наверное, мне придется сменить место отдыха.

Округлив подведенные глазки и чуть не задохнувшись от возмущения, администратор начинает убеждать меня во всеобщей любви, бесконечном уважении и неисчерпаемом восхищении моей скромной персоной. Надуваю губы и уже более благосклонно говорю:

- Мне отказал в маленьком удовольствии ваш новый официант. Женя, кажется...

- Да быть этого не может, перед началом праздника я лично предупредил всех о правилах поведения с нашими лучшими клиентами.

- И тем не менее...

- Станислав Сергеевич, администрация клуба приносит вам глубочайшие извинения и ставит в известность, что виновный в инциденте работник будет наказан, а при повторном проступке - уволен, - торжественно объявляет свое решение представитель администрации.

- Нет-нет-нет! - заговорщицки подмигиваю Вадика, при этом косясь в сторону барной стойки, где Зайке что-то шепчет на ушко знакомая Белочка. Бедный парень то бледнеет, то краснеет, что заметно даже в обманчивом полумраке помещения, но упрямо задирает вверх подбородок и отрицательно качает головой.

- Я сам накажу! Но мальчик должен работать здесь, и сделай так, чтобы уволиться по собственному желанию он отсюда не смог... Ты же меня понял? - поправляю бабочку на шее администратора, а Вадик, предвкушая нехеровое развлечение, расплывается в улыбке и согласно кивает.

С чувством выполненного долга и садистского удовлетворения иду к выходу. Здесь пока мне больше делать нечего, по дороге домой еще нужно сделать пару звонков и продумать сценарий наказания непослушного гордеца.

<center> *</center>

На следующий день ближе к обеду на мой стол легла папка с досье на интересующий меня объект. Итак, что мы имеем:

Ракитин Евгений Александрович, весной исполнится двадцать один год, третий курс медицинского колледжа, специальность «Лечебное дело», бюджетная группа. Учится старательно и целеустремленно, боясь потерять стипендию и бесплатное место учебы. Подрабатывает в кардиодиспансере санитаром и официантом в ночном клубе «Лунная

долина».

И когда ты все успеваешь, малыш?

Живет вместе с матерью, инвалидом второй группы, сердечная недостаточность. Так вот почему медколледж и кардиодиспансер.

В активе - однокомнатная хрущевка, пенсия по инвалидности матери, Женькина копеечная стипендия, его же мизерная зарплата в диспансере и чаевые в клубе. В пассиве - отсутствие друзей, любимой девушки и отца, которого, впрочем, никогда и не было, а также других близких и не очень родственников. Что-то невеселая вырисовывается у тебя жизнь, Зайка. И почему же ты не взял мои деньги, делов-то минут на пять было.

Жалость скользкой змеей пытается просочиться в сердце, но терпит сокрушительное поражение. Ну нет доступа к моему сердцу, закрыто оно на множество замков, и ключи все потеряны или выброшены за ненадобностью.

От несвойственных мне грустных мыслей меня отвлек телефонный звонок. А вот и еще один источник секса - Карина. Типичная блонди с наращенными волосами, ногтями и ресницами, но в целом - не приносящая особых проблем девушка, вот уже около года изредка греющая мою постель, всегда готовая к экспериментам и свято верящая в то, что однажды я приглашу ее не только в койку, а еще и в ЗАГС.

- Стасик, медвежонок! - замурлыкало из мобильного. - Ты вчера был на маскараде в «Долине», почему не взял меня с собой? Неужели тебе не нужна была прекрасная спутница? У меня и изумительный костюмчик феи есть, только вот когда теперь я смогу показать его в обществе?

Морщусь от слащавости и искусственности предлагаемых мне сомнительных удовольствий. Да! Секс с ней неплох, но общаться и выслушивать все ее претензии - полный бред и маразм!

- Малышка! Ну как я мог лишить тебя SPA-процедур и потащить в это злачное место, - тяжело вздыхаю, надеясь на свои актерские данные и радуясь, что Карина не видит выражение моего лица.

- Ну, хорошо! - вздыхает понятливая девочка. - Но в следующий раз возьми меня с собой! Договорились?

- Конечно, дорогая!

Потратив еще десять минут на неискренние нежности и приняв предложение о совместной поездке и праздновании Нового Года в солнечной Греции, с огромным облегчением отключаюсь и возвращаюсь к более увлекательному занятию - досье на Зайку.

До «Лунной долины» полгода работал в ночном клубе «Флэш», уволился по собственному желанию - это официальная версия, неофициальная - отказ клиенту подняться с ним в VIP-апартаменты. Да, парень, ничему тебя жизнь не учит... опять наступаешь на те же грабли.

Больше ничего интересного и значимого в папке с биографией парня не было, и мне пришлось посвятить оставшееся время своим прямым обязанностям, а ближе к концу рабочего дня - провести спарринг с Максом. Кто победил - ну, естественно... Гризли!

Вечером позвонил Вадик и скорбным голосом, в котором проскакивали торжествующие нотки, пожаловался мне на неловкого безрукого новенького официанта, который «нечаянно» разбил

целый ящик дорогущего вискаря. И вот Евгений Александрович должен родному клубу сумму, приближающуюся своими размерами к его почти полугодовой зарплате плюс чаевые.

Отлично! Теперь все, ВСЕ мои желания и прихоти Зайка должен будет выполнять беспрекословно, а уж я-то постараюсь не разочаровать его в моих фантазиях.

Ну что ж! Охота началась, добычу из норки мы выгнали, осталось загнать, поймать и насладиться...

А пока - новогодние каникулы, теплое ласковое море, нежные ручки и умелые губки Карины и безмятежная лень под лучами жаркого солнца.

Комментарий к Глава 1

===== Глава 2 =====

Вернувшись почти в середине января с заграничного курорта, я еле дождался пятницы, чтобы навестить «Долину» и убедиться, что Зайка жив и здоров. Женя был жив, но вот, похоже, работа без выходных в попытке быстрее отработать долг клубу особого здоровья парню не добавила. Осунувшаяся мордочка и темные круги под глазами очень явно намекали на бессонные ночи и общее физическое утомление. Рядом с щеголяющим золотистым загаром мной он смотрелся бледной тенью, яркими и блестящими были только серые глаза, хлестнувшие меня ненавистью. Парень прекрасно понял, почему вдруг стал таким «неуклюжим» и почему он теперь должен забыть про отдых.

Развалившись на уютном диванчике в любимой ложе, вот уже почти двадцать минут лениво изучаю карту бара и меню. Зайка-официант стоит рядом и ждет моего решения. Теперь, подчиняясь приказу администрации, за ним навечно закреплен мой столик и послушаться или что-то изменить он просто не может.

- Извините, вы уже определились со своим выбором? – наконец-то решается он задать вопрос.

- Давно уже, еще в нашу прошлую встречу. С тех пор мои желания не изменились, - не отрывая взгляда от меню, отвечаю я.

Глаза в пол, до зубовного скрежета сжатая челюсть, ходящие ходуном желваки, стиснутые кулаки. И... молчание.

- А ты? Не передумал? – тихо спрашиваю парня, приглашающе оглаживая свой пах.

- Нет, – так же тихо, в ответ.

- Ну, как хочешь. Но если вдруг передумаешь, то знаешь, где меня найти. А пока - сто пятьдесят Хеннеси, моего любимого – ты должен знать - и лимончик.

Весь вечер я нещадно гонял мальчишку: то стол мне показался грязным и пепельницу надо менять после каждой выкуренной сигареты, то лимон был нарезан не так тонко, как мне хотелось, то вдруг мне приспичило отведать лайма и сыра. Три раза Женька бегал только за сигаретами, а я все никак не мог определиться, что хочу. И фрукты не те, и сыр не такой. А когда я «неловко» встал и пролил свой коньяк на его штаны, он готов был меня убить, но вот делать то, чего мне так хотелось, он однозначно не собирался. Это бесило просто фантастически, мне противостоял какой-то щенок, и ни заставить, ни уговорить его я не мог. Оставались только мелкие издевки и пакости в надежде на то, что парень все-таки сдастся.

Чем, собственно, я с успехом и занимался, два-три раза в неделю, уже почти месяц. Как любимую работу, посещал «Долину», обязательно - в смену Зайки. Доводил его до грани нервного срыва, а себя - до бешенства, которое потом выплескивал в спортивном зале. Но скоро и в этом мне было отказано, коллеги просто перестали проводить со мной партнерские бои, не без основания опасаясь уже не только за свое здоровье, но и за жизнь.

Вскоре полный крах потерпела и моя личная жизнь. Карина, после некрасивой истерики а-ля «...я потратила на тебя лучшие годы своей жизни, а ты, ублюдочный подонок, так и не оценил выпавшего тебе счастья...» была отправлена в пеший поход, по маршруту «ну очень далеко и навечно». Никто, кроме Женьки в «Лунной долине», меня больше не привлекал и не возбуждал желания, даже на банальный минет. И милый мальчик Лешенька, еще одна моя постельная грелка для особых случаев и порочных желаний, вот уже в который раз отказывался приехать ко мне побезобразничать, находя все более нелепые отговорки. Но здесь я был виноват сам, слишком жестко и грубо обошелся с ним в предыдущие наши встречи, мечтая совсем о другом теле.

Я зверел, начал бояться оставаться с собой один на один, мысли, поселившиеся в моей голове, пугали. Однажды я всерьез задумался о собственной вменяемости, когда понял, что пытаюсь разработать план похищения одного, ну очень строптивного Зайчика. Спасала только работа и боксерские груши, которым некуда было бежать и которые пока еще выдерживали силу моей злости и безысходности.

Как-то вечером в дверях моего кабинета застыла внушительная фигура, перекрывая все пути отхода. Лучший друг смотрел на меня нечитаемым взглядом, ожидая приглашения.

- Что стоим, кого ждем? Пришел - проходи, садись, - мне не надо было объяснять, зачем после трудного рабочего дня заглянул «на огонек» Андрей. Наверное, уже все агентство знало о психическом нездоровье своего шефа.

- ЭСЭС, что происходит? Что ты творишь? - также глупо было надеяться, что этот умный мужик не знает об истории с Зайкой, но он ждал ответа, и мне нужно было с кем-то поговорить.

- Да не знаю я! Не знаю! Уже сам не понимаю и боюсь себя!

- Зачем издеваешься над ребенком? Он же второй месяц без выходных пашет. Из колледжа домой, через магазины и аптеку, потом на смену в кардиодиспансер или клуб. У него мать больная, за ней кроме него ухаживать некому, а если парень сломается, кому они оба нужны будут?

- Прости, Лис! Но остановиться я уже не могу! Не могу проиграть ему, иначе мне кажется, я потеряю себя и еще что-то очень важное и очень дорогое.

- Неужели отказ какого-то мальчишки так задел великого и ужасного Гриззли, что теперь ты выставляешь себя малолетним придурком, пытаешься доказать всем, что твой член длиннее и толще, чем у других?! Зачем устроил в клубе этот цирк, парень же теперь год будет батрачить, отработывая твой долг. И не хмурься - твой это долг! Твой!

В кабинет ввалился еще один «шкафчик»:

- Гриззли, оставь мальчишку в покое! - Макс почти кричал на меня, пытаюсь если не убить, то хотя бы покалечить взглядом. - Неужели мало вокруг шлюх, готовых для тебя на все, только свистни? Так нет же - тебе нужен пацан, у которого и так проблем выше крыши, да еще ты со своими претензиями и шалостями.

- Да как вы не понимаете?! - теперь на них уже орал я. - Я! Не могу! Жить без него не могу! Дышать без него не могу! Одна радость - хоть какие-то эмоции в его глазах, пусть недобрые, но я их вижу!

И тишина. Мертвая, тяжелая, звенящая тишина.

- Так ты влюбился, что ли? - удивленный голос Макса ударил по мозгам пудовой кувалдой. - Только какая-то любовь у тебя странная. Жестокая.

Вот что он только что сказал? Влюбился? Я? Да нет!

- Макс, думай, что говоришь. Какая может быть любовь к мальчишке-официанту, - пытаюсь уже спокойнее сказать я, даже сам не особо веря своим словам.

- Какая любовь? - улыбаясь, отвечает мне Андрей. - А такая! Когда жить без него не можешь, дышать и радоваться.

Вот сговорились они, что ли.

Вечер закончился предсказуемо: морем алкогольных напитков, искрометных тостов, взаимных признаний в дружбе и уважении и небольшой, минут так на тридцать-сорок, лекцией, о волшебном чувстве - Любовь, а также необыкновенной пользе верности и преданности. Мозги мне промыли качественно. Я впечатлился и слезно обещал в ближайшее же время непременно найти это чудесное чувство - ЛЮБОВЬ!

И мне даже поверили.

Дни и недели убегали со скоростью призового скакуна, в хмельном угаре пронеслось 23 февраля - Святой праздник, и с неизбежностью скоростного поезда приближалось 8 марта, а значит - опять тематическая вечеринка в клубе, где я не был уже довольно давно. Я скучал, бредил серыми глазами и искренне собирался хотя бы попытаться разгрести ту кучу дерьма, которую успел вывалить на Женькину голову. Но... наши желания очень часто не совпадают с реальностью.

Зайки в клубе не было. Вадик, пряча глаза и неодобрительно поджимая губы, сообщил мне, что Евгений Ракитин взял отгул, так как хочет хотя бы сегодня побыть с матерью. Вот же, даже циничный администратор перестал поддерживать мою игру, жестокую (теперь я это четко понимаю) игру.

- Ладно, Вадик, я все понял! Женькин долг я оплачу, пусть спокойно работает со всеми положенными выходными. А еще лучше дай ему хотя бы неделю отпуска, за мой счет.

Деньги моментально исчезли где-то в недрах цветастого пиджака мужчины, а сам он уже мягче сказал:

- Перегнули мы палку, Станислав Сергеевич. Последнее время на парня смотреть страшно было, я все боялся, что он прямо с подносом в обморок и грохнется.

- Все хорошо будет! - шепчу, успокаивая в первую очередь себя.

Я ушел из клуба. Здесь не было того, кто был сейчас мне так нужен.

Мягкие, пушистые хлопья последнего снегопада скользили по кожаной куртке, задерживались

в непослушных волосах, пока еще морозный вечерний воздух обжигал легкие, так вкусно и больно было в груди. Затянувшись сигаретой, подхожу к машине, краем глаза замечаю неясный силуэт. Мне все равно... И тут до боли, до истерики знакомый голос с хрипотцой заставляет сердце просто зайти в безумной скачке.

- Если я сделаю Вам минет, Вы перестанете надо мной издеваться?

Я сейчас не то что говорить, реально - дышать не мог. Он пришел! Сам!

Неужели я победил?! Еще несколько минут назад я собирался ехать к нему домой и просить прощения, а теперь меня топило желание немедленно получить свой, такой долгожданный приз. И я опять превращаюсь в бессердечную сволочь.

- Ну как тебе сказать. Слишком много времени, сил и нервов я на тебя потратил. Боюсь, минетом тебе, мальчик, не обойтись, - лениво выдыхаю табачный дым в небо.

- Что. Вы. Хотите, - голос становится более хриплым, а мне уже просто рвет крышу от желания.

- А то ты не понял?! Тебя! На всю ночь! - щелчком отправляю недокуренную сигарету в осевший сугроб.

Женька на минуту закрывает глаза, а потом шепчет, но я все же слышу:

- Хорошо! Но мне надо позвонить.

- Звони. Я жду в машине.

Гадкое чувства ревности вдруг всплывает откуда-то из глубины и начинает душить. Кому же ты можешь звонить так поздно? Достав щетку, делаю вид, что стряхиваю с машины снег, а сам прислушиваюсь к разговору.

- Привет, мам! Мам, все хорошо, не волнуйся. Я сегодня останусь ночевать у друзей в общежитии, контрольную надо доделать... Да... Меня покормят...

Облегченно вздыхаю и улыбаюсь двусмысленности последней фразы. Конечно, мальчик, я тебя накормлю, обязательно.

- Мам, я завтра утром забегу перед занятиями, помогу. Спокойной ночи!

С видом осужденного на казнь Женя подошел к машине.

- Ну что стоишь, садись, поехали.

===== Глава 3 =====

Всю дорогу парень молчал, только сжимал и разжимал кулаки. Молчал он и тогда, когда мы оставили машину в подземном паркинге и поднялись на лифте в квартиру.

- Проходи, - гостеприимно распахиваю дверь перед своей добычей.

Вот ты и попался, Зайка!

- Гостевая ванная направо по коридору, там же найдешь все необходимое. Ты же знаешь, что надо сделать, или тебе помочь?

- Нет, не надо. Я знаю, читал.

- Закончишь, поднимайся на второй этаж, там только спальня – не ошибешься. И я очень надеюсь, что мне не придется ждать тебя вечно.

Все равно... ожидание превратилось в пытку. Я уже выложил на тумбочку все, что нам понадобится, и посидел на кровати, и полежал в красивой сексуальной позе, и постоял у окна, включил и выключил телевизор. Разделся догола и снова надел боксеры... потом джинсы... поправил стояк, а Зайки все не было. Чтобы хоть как-то убить время, тоже иду принять душ, но в личную ванную, примыкающую к спальне. Под струями теплой воды все становится значительно хуже, в голову лезут непристойные фантазии с участием Женьки, ужасно хочется пойти и помочь ему закончить все процедуры быстрее, или нет... Просто пойти и...

Сам не заметил, как рука обхватила член. И, только представив мокрого мальчишку в душе, сползаю по кафельной стенке, кончая с протяжным стоном.

Охренеть! Это если у меня такая реакция на простое его присутствие в моей квартире, то что будет, когда он окажется в моей постели, подо мной?! Решив, что оргазм сейчас был как нельзя кстати, иначе опозорился бы великий Гризли перед парнем, я все-таки сажусь на край кровати, прикрыв бедра полотенцем, и жду.

И вот наконец-то в дверях спальни появляется Зайка, тоже в полотенце, с влажной кожей и трясущимися руками, нервно теребящими махровый узел.

- Не передумал?

- Нет.

- Ну, тогда начнем с того, что ты мне остался должен. Сегодня ты будешь послушным мальчиком?!

Распахиваю полотенце и сам удивляюсь такой боеготовности своего члена. Я же только что... в душе...

- Давай, малыш! Мы с ним ждем! – ласково провожу по стволу кончиками пальцев.

Женька подходит ближе и каким-то неуловимым движением опускается передо мной на колени. Шутки закончились.

Дрожащие пальчики Зайки вслед за моими скользят по члену, знакомясь и изучая, затем плотно обхватывают и начинают легонько дронить. Он смотрит мне в глаза, потом опускает голову и касается губами головки.

- Еще! - выдыхаю сквозь зубы обжигающий воздух. В голове осталось только одно слово, остальные я успешно забыл. – Еще!

Парень очень старается. Гладит член языком, проходит губами по всей его длине, но неопытность все равно дает о себе знать. Движения неумелые, рваные; пытаюсь сосать, мальчик давится и забывает прятать зубки, а язычок вообще живет отдельной жизнью, не подчиняясь хозяину. Не зная, куда деть свои руки, Женька то легонько дотрагивается до моих бедер, то неуклюжей лаской проходит по животу. Но все равно, для меня сейчас – это лучший минет в моей жизни: желанный, долгожданный и такой сладкий.

Понимаю, что если сейчас не остановлю парня, то не сдержусь и просто напугаю его своим новым оргазмом. Надо срочно отвлечься, а что может быть лучше глупых разговоров.

- Довольно, - поднимаю Зайку с колен и толкаю на кровать, нависая над ничего не понимающим пареньком.

- Ты был когда-нибудь с мужчинами? - веду носом от ключицы до виска.

- Нет, - тихо отвечает, нервно сминая ладонью простынь.

- А с девушками? - шепчу ему в губы, едва касаясь их.

- Да. Пару раз, - пытается незаметно отстраниться, но кто же ему позволит.

- Хм, всего пару раз?! Ну и как, понравилось?

Ответом на мой последний вопрос было молчание.

Провожу рукой по бархатной коже внутренней стороны бедра. Женька вздрагивает и судорожно вздыхает. О-о-о! Похоже, я нашел твою эрогенную зону.

- Ну тогда давай сравним, с кем же все-таки интереснее - с девочками или с мальчиками, - моя ладонь ложится на его пока еще незаинтересованное в происходящем достоинство, легонько поглаживая и сжимая, а Зайка закусывает губу и снова отворачивается.

- Не прячь глаза, смотри на меня! - в наказание сжимаю ладонь на члене парня сильнее, чувствуя, как оживает чужая плоть. Женя повинуется и смотрит мне в глаза, на дне которых плещется целый коктейль различных эмоций: страх, злость, обида, недоверие и на радость мне - легкое возбуждение.

- Не бойся, не собираюсь я тебя насиловать, - я не вру, даже себе.

Сейчас мне почему-то очень хочется действительно доказать парню, что с мальчиками намного интереснее и приятнее, то есть не так - с одним конкретным мальчиком. Со мной!

Навалившись на Женьку, который старательно изображает «бревно обыкновенное», с одного бока, ладонью прохожусь нехитрой лаской по телу парня: по ежику волос, затем нежно кружу пальцами по раковине уха, от виска спускаюсь по стройной шее к плечу, оглаживаю ключицы и руки, терблЮ и нежу сосок. Ласково пройдясь по ребрам, задерживаюсь на впалом животе, наслаждаясь подрагивающими под моей рукой в такт бешеному сердцебиению мышцами. Я продолжаю изучать гладкость и нежность Женькиной кожи, и он мне отзывается - все более глубоким дыханием; выступившими над верхней губой и висках капельками влаги; удивлением и недоумением в невозможных серых глазах. Его возбуждение уже не скрыть, вздыбленная плоть гордо дрожит у моего бедра.

Но мне и этого мало, хочу видеть в этих глазах желание и доверие, предназначенные только мне. Моя ладонь снова накрывает вставший Зайкин член и начинает оглаживать по всей длине, мягко сжимая и подрачивая, ласкать бедра, перебирать и играть яичками. Ну, давай же, малыш! Стони для меня, кусай губы и рви, сжатыми побелевшими пальцами мои простыни. Такой чувственный и отзывчивый мальчик, с сопротивляющимся желанию разумом...

- Повернись на живот, - хриплю я ему на ушко, отстраняюсь, давая возможность двигаться.

Секундная заминка, тяжелый вздох - и Женя поворачивается ко мне спиной. Я тупо зависаю: такой красивый... У парня просто превосходные задатки для будущей идеальной фигуры, широкие плечи, тонкая талия, узкие длинные бедра и аккуратная круглая попка. Только нужно добавить мышечную массу и немножко поработать над рельефом. С каким-то фанатичным трепетом исследую каждую мышцу, каждую ямочку и впадинку на его спине, задерживаясь на ягодичах, тискаю и мну упругие половинки. И боюсь сорваться, боюсь не успеть подготовить его...

Когда моя ладонь проходит вдоль позвоночника, от затылка до копчика, Зайка вдруг выгибается и шумно выдыхает... Еще одна чувствительная зона. Я запомню. Но пальцы, нырнувшие в ложбинку между ягодичами, вызывают у парня почти панику, он сжимается и пытается «сбежать» от моих прикосновений.

- Куда? - ловлю его под живот и прижимаю попой к своему паху, наклоняюсь и кусаю мочку уха. - Я же просил тебя быть послушным мальчиком, я постараюсь быть предельно осторожным и нежным.

И сейчас я готов это Зайке показать и доказать.

Я действительно был очень аккуратен и нежен, используя почти половину флакона со смазкой, ласкал сжавшееся колечко ануса, настойчиво прося впустить мои пальцы в горячую тесную глубину. Зайка постепенно расслабляется, и вот я уже глажу внутренние мышцы входа, проникая все глубже. Одним пальцем, двумя... И тут Женя на мгновение замирает, потом оборачивается и так странно смотрит на меня. Снова касаюсь найденной внутри точки и в награду получаю вспышку удовольствия, мелькнувшую в его глазах.

- Повернись. Пожалуйста! - голос срывается на горячий шепот, руки начинают дрожать, как у неопытного юнца. Да что же со мной такое!

Зайка повернулся на спину и сжался под моим голодным взглядом. Хочу! Раздвигаю стройные ноги, проводя ладонями по внутренней поверхности бедра, я знаю, что ему это нравится. Подкладываю под поясницу Зайки подушку и, лаская член, начинаю медленно входить. В его глазах - обида и боль, прикушенная губа и произвольные движения рук, пытающихся меня оттолкнуть. Ловлю за запястья и, навалившись, завожу и удерживаю его руки над головой. Вхожу - медленно, неотвратно, уже ни на что не обращая внимания. Член сжимают упругие, горячие стенки, как же хорошо, до одури, до огненных вспышек перед глазами. Прости, малыш! Но мое так долго сдерживаемое желание диким зверем рвется наружу. Не отпуская Женькиного взгляда, ловя каждую эмоцию, начинаю двигаться, все быстрее и глубже, зажав его член между нашими телами. Я помню где и снова нахожу точку, родившую в Зайкиных глазах удовольствие, я так безумно хочу увидеть его снова. С каждым новым моим толчком, Женька все шире распахивает глаза, в которых искрами мелькает вернувшееся возбуждение и неподдельное изумление. Еще несколько сводящих с ума движений, и он начинает биться под мной в сладких судорогах оргазма. Просто восхитительная картинка: приоткрытый в немом крике рот, запрокинутая голова, выгнувшееся невероятной дугой тело и тепло, разлившееся под моим животом - как доказательство накрывшего парня удовольствия. Всего пару часов назад Зайка собирался погибнуть смертью храбрых в руках сексуального маньяка, а тут вдруг такая неожиданность...

Вот теперь и я отпускаю своего зверя. Безумствую, захлебываясь в бесподобных эмоциях и волшебных чувствах, угадывая их отражение в серых глазах. Еще немного, и уже я с животным рычанием кончаю, тесно прижавшись к Зайке, словно пытаюсь раствориться в нем.

Я бы еще долго не давал Женьке покоя, дорвавшись до желанного тела, но парень был настолько вымотан и физически, и эмоционально нашим двухмесячным противостоянием, что уже совсем скоро перестал хоть как-то реагировать на мои ласки и домогательства. И хотя адреналин все еще кипел в моей крови, я прижал Зайкино обмякшее и сонное тело к себе, словно боясь, что он просто исчезнет, и вскоре сам забылся глубоким сном.

Утро встретило меня лучом солнца, приятной усталостью в теле, ощущением праздника и темноволосой головой на соседней подушке. Парень разметался на сбитых простынях; во сне подрагивали черные ресницы, мерно билось сердце и мило поджимались розовые губы. Давно забытое ощущение счастья, ласковой волной прокатилось по телу. Я погладил темный ежик и... Женька, как ужаленный, подскочил на кровати.

- Что, плохой сон? - спрашиваю я, медленно убирая руку.

- Не сон... - морщится, садясь удобнее, - я просто не ожидал... - а в глазах паника. Да, умотал я его.

- Ну, вставай, раз уже проснулся. Завтракать будем. Где ванная, ты знаешь, я буду ждать тебя на кухне.

Пока ждал гостя, сварил кофе, разогрел сырники, приготовленные моей приходящей домработницей, накрыл на стол.

В дверном проеме застыл Зайка.

- Проходи, присаживайся. Чай, кофе...

- Нет, спасибо. Мне уже пора.

- Продиктуй мне свой номер телефона, - беру со стола сотовый.

- Зачем? - недоумение в глазах Женьки.

- Вдруг поговорить с тобой захочу, позвоню, - вывожу на экран меню телефонной книги.

Отвернувшись к окну, Женя нехотя диктует давно знакомый мне номер. Надо же, даже не пытался обмануть. Нажимаю кнопку вызова, и в его кармане звучит стандартная мелодия входящего звонка.

- Вот теперь и у тебя есть мой номер телефона, звони, если что-то будет нужно.

- Можно я уже пойду? - опускает глаза в пол.

Остановить я его не мог. Мы прошли в прихожую, и Женя стал одеваться, бросая на меня испуганные взгляды, наверное, думал, что все-таки не отпущу. А я, разглядывая шарф ручной вязки и потрепанные кроссовки, хвалил себя за заранее опущенную в карман его куртки пятитысячную банкноту. Ни Лешенька, ни тем более Карина никогда не отказывались от таких маленьких «презентов» с моей стороны. Поэтому я и сейчас чувствовал себя щедрым и добрым волшебником.

Хлопнула дверь, и меня накрыло тишиной. Зайка ушел.

В родной офис я ввалился нагруженный разноцветными пакетами и охапкой весенних цветов. Я осыпал конфетами и тюльпанами работающих в агентстве женщин, одаривал их

комплиментами, смеялся глупым шуткам и даже ущипнул за обширный зад главбуха, дородную тетку, имеющую трех внуков. Целый день я был исключительно счастлив и восторженно любил весь мир.

До вечера.

А вечером я опять «убивал» ни в чем не повинный спортивный инвентарь в тренажерном зале, скрипя зубами и глотая злые непролитые слезы.

Причина была. Позвонил Вадик, заикаясь и теряя слова, рассказал, что Женька узнал о том, что его долг перед клубом погашен, и написал заявление на увольнение по собственному желанию, даже не взяв расчет за последний месяц.

Чуть позже пришло SMS от сотового оператора: сообщение о пополнение баланса моего телефона на пять тысяч рублей. Зайка вернул мой «презент».

===== Глава 4 =====

Несколько дней я тихо злился и всех ненавидел. Злился на Зайку, который не отвечал на мои звонки; злился на влюбленные парочки, радующиеся весеннему теплу; на весну, которая выгнала их на улицу. Ненавидел птичьи трели по утрам и солнце, которое радостно улыбалось с небосвода, а самое главное – я ненавидел себя. За то, что дал Женьке уйти, так ничего ему и не сказав. Жидкая грязь и слякоть от тающего под лучами солнца снега надолго стала достойным оформлением моему душевному состоянию и настроению.

Днем я пугал своих сотрудников безумным взглядом и неадекватным поведением, а бессонными ночами пальцем рисовал Женькин силуэт на простынях, вспоминая серые глаза, неповторимый запах и дрожь его тела под моими ладонями.

Мне был нужен мой Зайка. Я хотел его... хотя бы увидеть.

Идти к нему домой я не решился, помня о проблемах со здоровьем его матери, в колледже тоже не стоило появляться, поэтому я обошел все ночные клубы и развлекательные заведения города в надежде найти своего Зайку, но нигде не было новенького работника, Жени Ракитина.

Каково же было мое удивление, когда он все-таки нашелся – в ресторане «McDonalds».

Мальчик – «свободная касса», как мило!

Это было бы действительно смешно – если бы не было так грустно! Ну что ж, McDonalds – значит, McDonalds.

И вот теперь я почти каждый день стою перед входом в эту «обитель зла», сквозь оконное стекло любуюсь Женькиной улыбкой, которой он так щедро одаривает своих коллег и многочисленных посетителей. Я прекрасно знаю, что мое появление в дверях ресторана практически мгновенно сотрет ее с его лица, поэтому ловлю хотя бы несколько этих мгновений счастья, пока он меня не заметил.

И опять ненавижу! Ненавижу этого толстого мужика с подносом, заваленным едой; ненавижу девочку с хвостиком, которая тянется к коробке с «Хэппи Мил»; и парня, стоящего за соседней кассой и что-то сейчас говорящего Женьке. Им он улыбается. Ненавижу!

Скоро уже почти месяц, как я прихожу сюда и «наслаждаюсь» фаст-фудом. Столик напротив

прилавка с кассами и поднос, с неизменным и почти нетронутым БигМаком и стаканчиком эспрессо – только так я теперь могу видеть Зайку. Я пачками глотаю «Мезим» и «Фестал», меня уже тошнит не только от вида этой суррогатной еды, но и от большой светящейся буквы «М» над зданием. И все равно я с упорством барана каждую смену парня прихожу сюда обедать или ужинать. Терпеливо отстаиваю длинную очередь из страждущих получить свой съедобный кусочек такого странного удовольствия к кассе, за которой работает Женя, забираю свой поднос и расплачиваюсь, пытаюсь хотя бы прикоснуться к его руке.

В первый раз в жизни я мечтал вернуть время вспять, переписать всю историю знакомства с Зайкой, но изменить ничего уже не мог. Поэтому и искал любую, даже самую мизерную возможность хотя бы попытаться исправить то, что натворил. Да, я отчетливо понимал, что был не прав, прекрасно знал, что обидел, и ждал любого повода извиниться.

А пока все, что мне оставалось, это такой родной и верный спортзал, сбитые в кровь костяшки на руках и доведенное физическими перегрузками до истерики тело.

С мягким шелестом на пол стекает песок из лопнувшей боксерской груши, которая на этот раз все-таки не выдержала моих «ухаживаний», а я сижу на полу, широко расставив колени, и пропускаю его сквозь пальцы.

Мою медитацию нарушил Макс, вставший на татами в боевую стойку.

- И долго ты будешь портить казенное имущество, Гризли? Может, попробуешь поиграть с тем, кто сможет тебе ответить? - манит ладонью в приглашающем жесте.

- Макс, а не боишься - один на один? Ты когда-то сам запретил всем со мной спарринговать?

- А кто тебе сказал, что он будет один, - рядом с Максом в точно такой же стойке замирает Андрей.

- Ого! Двое на одного! Считаете это честным, пацаны? - поднимаюсь с пола и встаю напротив друзей.

- Не трусь, Гризли! Сильно не помнем! - Андрей разминает кулаки и мягко подпрыгивает на месте.

Как же это сейчас кстати. Парни, да вы просто чудо! Как же мне не хватало этих контактных боев с живыми объектами.

Вслух же выдаю:

- Ребята, я вас люблю! - расплываясь в хищной улыбке.

- Ой! Только не это, - в притворном ужасе машет руками Макс. - Твоя любовь страшнее ненависти. Давай останемся просто друзьями!

- Кстати о любви... - лукаво глядя на меня, играет бровями Андрей. - Я надеюсь, ты, Ромео, помнишь, что через неделю у твоей Джульетты день рождения?

Что?! Вот черт!

И я пропускаю первый удар... Ну, понеслась, ребята!

Уже дома, в ванной, рассматривая в зеркале рассеченную бровь, разбитые губы и

многочисленные синяки по всему телу, я с благодарностью думал об Андрее и Максе. Зачем человеку нужны друзья? Чтобы всегда поддержать и правильно понять, а главное – вовремя набить морду и хорошенько встряхнуть мозги! Спасибо, мужики!

<center> *</center>

Вот уже третий день я ломаю голову, как поздравить и что подарить Женьке. Я достал этим вопросом уже всех женщин на работе; друзья мелкими перебежками добираются до своих кабинетов, где прячутся от меня за горами деловых бумаг. Я же, обложившись модными журналами и каталогами, выворачиваю наизнанку свои мозги и душу.

Поймав все-таки зазевавшегося Андрея в коридоре, снова начинаю выносить своими идеями и его мозг.

- Нет, – Лис открывает дверь в кабинет Макса и пропускает меня вперед.

- Да почему нет-то? – возмущаюсь я. – Ты же даже не посмотрел.

Тычу пальцем в последний эксклюзивный каталог лучшего ювелирного дома города.

- Стас, нельзя найти подарок для твоего Зайки там, где его быть не может, – тяжело вздыхает Андрей.

- Максим, ну хоть ты ему скажи! Золотые часы – неужели не подарок? – пытаюсь найти понимание и поддержку у второго лучшего друга.

- Стас, за деньги ты его не купишь. По-моему, мальчишка достаточно четко дал понять, что не примет ни от тебя, ни от кого-нибудь другого ни подачек, ни дорогих подарков, – ну вот, и этот не хочет меня поддержать, только будит неприятные воспоминания. – Хочешь еще сильнее обидеть пацана – валяй! Ему твои дорогие цацки как пощечина.

Похоже, сегодня не мой день! Оба друга так решительно настроены против меня.

- Ну, тогда подскажите, гении, что можно подарить парню, у которого ничего нет, – начинаю истерить я.

- Вот именно, Стас, вот именно. Он же, наверное, уже даже не помнит, что есть такой праздник – День Его Рождения.

Неожиданная идея приходит в мою непутевую голову, я не уверен в ее идеальности, но очень хочется в это верить и надеяться...

<center> *</center>

Середина апреля, почти высохшие лужи, земля в ожидании новых зеленых побегов, ласковое солнце и теплый ветерок. Чудесный день – День рождения моего Зайки.

Прислонившись плечом к стволу старой рябины, черным пятном выделяясь на фоне веселеньких качелей-каруселей детской площадки, нервно курю сигареты, одну за другой. На меня косятся мамы, гуляющие с маленькими детьми, и облаивают собаки, которых выгуливают сознательные граждане. Я знаю, что могу испортить задуманный праздник, если Женька меня увидит, но не быть здесь сейчас я тоже не могу. Мне нужно его видеть, я должен знать, принял ли он мой подарок.

Расписание занятий и график его работы в McDonalds я знаю наизусть, поэтому ожидание именинника не слишком затянулось. Всего полпачки «Parliament», и во двор, торопясь домой, почти вбегает Женя, заставив меня подобраться и выбросить недокуренную сигарету. Дойти до подъезда он не успевает, его перехватывают веселые клоуны, с наскака вручая опешившему парню гроздь рвущихся в небо разноцветных воздушных шаров и метрового плюшевого медведя в клетчатой косынке. Нанятые мной аниматоры задорно скачут около Зайки, выкрикивая поздравления и незатейливые стишки, настойчиво пытаюсь вовлечь именинника и спящих мимо малышей в головокружительный хоровод.

Женя же только растеряно улыбается, крепко прижимая к себе большую игрушку и удерживая связку шаров. Любопытные вездесущие детки визжат от удовольствия, наблюдая и с упоением участвуя в происходящем действии, а всезнающие пенсионеры одобрительно кивают головами, обсуждая такое волнующее событие, случившееся в их тихом дворике. Парень оглядывается вокруг, замечает меня, и его улыбка так ожидаемо тут же исчезает. Я перестаю дышать, волнуюсь, как девушка на первом свидании, и не перестаю надеяться на то, что Зайка все-таки возьмет мой подарок. Сейчас все зависит только от него. Минута, другая - и... Женя, больше не обращая внимание на веселье, клубящееся вокруг него, решительно подходит и останавливается в шаге от меня, тиская плюшевого медведя и пытаюсь справиться с пляшущими на ветру воздушными шариками.

Мы смотрим друг на друга, молчим и даже почти не двигаемся, я так безумно боюсь нарушить это волшебное мгновение. И все еще надеюсь... Хотя готов сейчас и к удару в челюсть с его стороны, и к выброшенной мне под ноги игрушке.

- С Днем рождения, Женя! - голос не слушается, но, сглотнув комок в горле, все-таки выговариваю я.

- Это сделали Вы? - Зайка ловит ускользящего из рук медведя и кивает в сторону резвящихся клоунов.

- Да! - смысла ему врать у меня нет.

- Зачем?

А на этот вопрос я не смогу ответить даже себе.

- Я не знаю, Женя! Наверное, хотел, чтобы у тебя сегодня был праздник, настоящий День Рождения, хотел тебя порадовать, - и куда делась моя природная наглость и высокий слог? Стою и оправдываюсь, как нашкодивший подросток. - Тебе понравилась игрушка? - ответь мне Зайка, ну пожалуйста! Этот медведь - частица меня, вырванный из сердца лоскут.

Молчит и смотрит на меня своими бесподобными и такими счастливыми (неужели не показалось) глазами, потом мягко вздыхает и опускает взгляд:

- Мне очень понравилось. Мне никогда не дарили такие подарки.

Снова поднимает на меня глаза:

- Спасибо! - и... улыбается.

Нереальное счастье и теплая радость растекаются по сердцу ласковой волной. Он. Мне. Улыбается!

Женька перехватывает игрушку поудобнее, трется щекой о мягкое коричневое ухо и счастливо вздыхает. А я тупо завидую плюшевому медведю. Но тут гроздь шаров неожиданно вырывается из его рук и радостно трепыхаясь, уплывает в небесную синеву.

- Ой! Улетели! - по-детски расстраивается парень, следя глазами за потерянными шариками. - Так жалко.

- Жень, а хочешь, я тебе еще десять таких связок подарю, а хочешь... - я ерошу и так непослушные волосы на своем затылке, в трудом вспоминая нужные слова и задыхаясь от нахлынувших эмоций. - Жень, что ты хочешь? Я все сделаю.

- Все? - Зайка серьезно смотрит мне в глаза. - Но мне правда ничего не нужно, вот только...

- Говори, Жень, я обещал. Все, что попросишь.

- А Вы можете не приходите кушать в McDonalds, а то при Вас я начинаю нервничать и путать заказы, меня уже и уволить обещали.

Меня словно холодной водой с ледяным крошечком окатило. Желудок благодарно и с явным облегчением крикнул, а сердце сжалось от ужаса так, что я не мог даже вздохнуть. Если так пойдет и дальше, то уже в следующий раз мы встретимся с Зайкой в кардиодиспансере: он - с уткой, а я - лежа с капельницей в реанимации.

- Конечно, Жень, - еле ворочая языком и плохо вижу от предательски навернувшихся на глаза слез. - Я же обещал...

Больно! Страшно! И так хреново на душе!

Я проиграл! Но сдаваться не собирался!

===== Глава 5 =====

Как вернулся домой, я не помнил. Почему не собрал по дороге все столбы и отбойники - не знал. В голове ледяное безмолвие. В сердце, вырвав с «мясом» все когда-то такие надежные замки, поселилась печаль и безнадега.

Я пытался уговорить себя, что все не так уж и плохо: Зайка же все-таки взял мой подарок, поблагодарил и даже улыбнулся. Но при всем при этом я реально понимал, что видеть-то меня он не хочет, запретив приходить к нему на работу.

Да и на что я надеялся?!

На то, что парень кинется мне на шею с поцелуями в порыве благодарности? Нет.

Так чего психовать-то? Включай, Гризли, мозги и думай... Но тело и душа требовали сейчас совсем другого.

С животным рыком и безумными глазами диким зверем я метался по квартире, круша все на своем пути: бил и топтал дизайнерские безделушки, срывал с окон шторы вместе с карнизами и рвал диванные подушки. Когда в гостиной уже не осталось ничего рвущегося и бьющегося и даже огромная плазма валялась на полу, подмигивая потускневшим изображением через паутину трещин на экране, я сбежал на кухню. Вскоре и там разбитая посуда цветной мозаикой покрывала дорогой темный паркет, перемешиваясь с рассыпанными специями,

сахаром и солью. Из последних сил добравшись до бара и зацепив первую попавшуюся под руку бутылку, заваливаюсь на пол, ногами расчищая для себя место среди разгрома и хаоса. Первый же глоток крепкого напитка обжигает горло и огненным тайфуном бьется внутри, расслабляя тело и погружая мозг в густое, как кисель, небытие.

Три дня я отсутствовал в реальном мире, забывшись в алкогольном тумане. Потом пришел Макс. Матерясь сквозь зубы, распиная пустые бутылки, грубо оторвал мою задницу от нагретого места на покалеченном диване и швырнул меня под холодные струи душа.

Через час я сидел на кухне и пил горячий, сладкий, крепкий чай с травками из последней, не сильно пострадавшей кружки (ну подумаешь - ручка откололась...) под присмотром грозного друга. Из гостиной доносились тяжелые вздохи домработницы и грохот сгребаемого в мусорные мешки хлама.

- Я смотрю, ты неплохо повеселился на Женькином дне рождения, три дня в глухой несознанке, - зло выплевывает слова Макс. - Вот не знал, что ты еще и запойный алкоголик.

- Макс, давай ты меня позже стыдить будешь, а? - голова разваливается на пазлы, в груди жжет и болит. - Ну, например, когда будешь рыдать над моим гробом.

- Так! Шутить изволим, - сложив руки на груди, вещает верный друг. - Значит, в себя приходиться начал. Хорошо! Сейчас в спальню тебя отведу, одеялко подоткну, колыбельную спою - и только попробуй завтра не явиться на работу, излучая оптимизм и хорошее настроение. Прибью! Надеюсь, ты понял меня, Гризли?!

- Да понял я, понял! - стыдливо опустив глаза, стараясь не смотреть в сторону учиненного мной разгрома, бодренько ползу на второй этаж. Здравствуй, кровать! Я твой до утра!

<center> *</center>

Жизнь постепенно входила в привычную колею. Медленно потекли безрадостные дни, работа - дом, дом - работа. Интерьерчик, мебель и бытовую технику пришлось обновить. На кухне сверкали хрустальными гранями новые стаканы и рюмки и радовал своим великолепием белоснежный набор столовой посуды. Я же старательно изображал на публике обещанные Максиму оптимизм и жизнелюбие.

А в городе безраздельно хозяйничала весна, обливая нежной зеленью деревья, кустарники и газоны, солнце светило все смелее и ярче, скоро майские праздники и пикники на свежем воздухе. Народ оживал и радовался, вдыхая весеннюю свежесть и жмурясь от ласкового солнечного тепла, только на моей душе было пусто и горько. Пусто - без Зайкиной улыбки, подсмотренной мной; без его обжигающего и пусть ненавидящего меня взгляда; и хриплого голоса, заставляющего меня умирать от желания. Горько - от сознания того, что сам же, своими руками создал эту гребаную безвыходную ситуацию.

Однажды, возвращаясь поздно вечером с работы, я задумался и сам не понял, как вырулил в знакомый тихий дворик. Припарковавшись, судорожно вспоминаю Женькино расписание и понимаю, что парень сейчас должен быть дома. Да, оба окна маленькой квартирки на втором этаже уютно светятся в наступающих сумерках. За незакрытыми шторами мелькает знакомая фигурка парня, завораживая меня и не позволяя уехать. Как же давно я его не видел, безумно соскучился, ведь так больше ни разу и не заехал в McDonalds, помня о своем обещании. Вот и сидел я сейчас в машине и не сводил глаз с Зайкиных окон, ловя каждое его движение. И это было так странно: сердце сладко замирало и болезненно сжималось каждый раз при его появлении в обрамлении рамы.

Наконец-то я знал, что мне делать и как поступить. Теперь свои вечера я проводил во дворе Женькиного дома, любовался парнем в окне из припаркованного автомобиля или примостившись на детских качелях, а иногда - подпирая ствол знакомой рябины. Смотрел в светлые квадраты, дожидаясь, когда выключится свет и, понаблюдав уже за темными окнами еще минут двадцать, - уезжал домой. Отсюда прогнать он бы меня уже не смог.

Через несколько дней, медленно раскачиваясь на детских качелях, я увидел на фоне темного окна на втором этаже до боли знакомый силуэт. Женя. Он стоял, опираясь на перила маленького незастекленного балкона, и словно высматривал кого-то сквозь черный бархат ночи. Я замер, борясь с двумя противоположными желаниями: сбежать и спрятаться от его взгляда или встать и подойти ближе, обнаружив себя. Так и не найдя ответа, дождался, когда парень зайдет в квартиру, и уехал. С этого дня так и повелось: теплый весенний вечер, мягкий свет из окон, мелькающая между ними фигура Зайки, а потом - то ли в награду, то ли в наказание - его силуэт на балкончике и настороженный Женькин взгляд, обращенный ко мне, который я чувствовал через равнодушную ночь даже на расстоянии. Безмолвная битва характеров и жестокая игра в гляделки с душой. Чего мы оба ждали и на что надеялись - никто из нас, похоже, так и не знал.

Сегодня мое вечернее развлечение подпортило первым весенним дождем, поэтому рябина гостеприимно распахнула мне свои зеленые объятия, приютив и спрятав от холодных тяжелых капель. Одно за другим гасли окна пятиэтажки, люди ложились спать, погасли они и в Зайкиной квартире, но вопреки уже сложившейся традиции, на балкон он не вышел. Женя вышел во двор. Помедлив буквально пару секунд, он подошел и прислонился плечом с другой стороны толстого ствола.

- Привет! - надо было что-то сказать, я и начал с банальностей.

- Здравствуйте! - ответил вежливый мальчик.

- Может, уже на «ты»? - с надеждой и дрожью в голосе говорю Женьке.

- Что Вы еще от меня хотите? Зачем Вы сюда приходите почти каждый день? - Зайка игнорирует мое предложение. Обидно.

- Жень, ты задаешь вопросы, на которые я не могу и не смогу ответить. Я не знаю, - странный разговор, странная ситуация. - Но думаю, чего хочу я - знаешь ты.

- Меня. На всю ночь, - с жалящей горечью в голосе выдает Зайка.

Мне вернули мои же, когда-то сказанные ему жестокие слова. Больно. Очень больно.

- Вы же уже получили, что хотели. Так зачем все это... - в его голосе проскальзывают слезы.

Не могу больше просто стоять, ждать и бояться. Бояться сказать что-то не так, сделать что-то не то. Лучше жалеть о том, что сделал, чем потом рыдать и страдать о том, что не сделал. Обхожу дерево и замираю перед парнем, головой практически уткнувшись в его лоб.

- Да, Жень, я получил что хотел. Что хотел тогда. Теперь я хочу гораздо большего, - даже в тусклом свете далекого фонаря я вижу опасение и недоверие в его глазах. - Теперь я хочу тебя, Женя. Только не на всю ночь, а на всю жизнь, - выдыхаю в его губы, сдерживая безумное желание прикоснуться к ним, поцеловать. Никогда не любил это мокрое дело, всегда стараясь побыстрее перейти к более интересным для меня действиям. А тут... Как же сложно, практически невозможно себя контролировать.

- Но так нельзя, - Женька отступает и упирается спиной в ствол, больше ему бежать некуда.

- Почему? - упираюсь ладонью о дерево над его головой.

Дождь мягко шуршит за спиной, роняя сквозь молодую листву редкие капли. Зайка молчит, только смотрит мне в глаза и нервно сглатывает.

- Жень, дай мне шанс. Один маленький глупый шанс. Пожалуйста. Мне все равно, что мы оба мужчины, уже все равно... - бешеное, неконтролируемое желание попробовать на вкус эти манящие губы срывает все тормоза. Больше не могу сам себе сопротивляться и не хочу.

Этот наш первый поцелуй я не забуду никогда.

- Женя, Женечка! - как молитву шептал я, обняв ладонями его лицо, выцеловывая, лаская и мягко облизывая эти, такие желанные губы.

Окружающая реальность словно растворилась и отступила, забрав с собой все ненужные в тот момент чувства, ощущения и желания. Сейчас меня не смог бы остановить даже атомный взрыв, я готов был умереть, но не разорвать этого поцелуя. Теплые, мягкие губы, с легким вкусом лимонных леденцов - мое счастье и мой восторг. Я наслаждался сам и нежил лаской своего мальчика. Еще несколько первых мгновений я чувствовал, как Женька упирается сильными ладонями мне в грудь, пытаюсь оттолкнуть, но уже скоро он, расслабившись, сам вцепился пальцами в мой джемпер и ответил. Робко, неумело, словно стесняясь меня, себя и своих желаний. Мой Зайка - моя радость, мое блаженство, моя любовь - не отдам, не отпущу...

Задыхаясь от нежности, нереального кайфа и нехватки воздуха, отпускаю из сладкого плена Женькины губы. Не могу поверить, что такие эмоции можно испытать только от одного поцелуя. Парень, шокировано смотрит на меня и, облизав и так влажные губы, медленно выговаривает:

- Не надо, пожалуйста!

- Чего не надо, Жень?

- Я не знаю, я не могу... - и Зайка срывается в сторону подъезда, пулей влетая в дверь. Вот и ускакало мое счастье.

Но уже ничего не может испортить мне настроения, не в этот раз. Со счастливой улыбкой я сажусь в авто и уезжаю домой. Зайка, ты все же ответил сегодня на мой поцелуй, и я знаю - ответишь когда-нибудь и на мои чувства. Чувства, в которых я сам наконец-то разобрался и принял. Как всегда, Андрей и Макс были правы. Да, я люблю. Люблю гордого и независимого мальчишку, которому доставил кучу проблем и неприятностей.

<center> *</center>

На следующий день после работы я ехал в сторону Женькиного дома с четким и конкретным решением. Еще раз сказать о своих чувствах, предложить серьезные отношения и любую возможную помощь.

Но у Женькиного подъезда стояла «скорая помощь», суетились санитары, закатывая в машину носилки, и озабоченно гудели собравшиеся вокруг любопытные пенсионеры. Пока я парковался, из подъезда вылетел Женька, на ходу поправляя лямку небольшого рюкзака, проскочил в закрывающиеся двери «скорой», я даже ойкнуть не успел, и спецмашина с диким

воем рванула на выезд. Мне не надо было что-то объяснять, все и так понятно - маму Зайки с очередным приступом увезли в кардиодиспансер. Ехать следом смысла не было, и я решил подождать парня у подъезда. Но ни вечером, ни ночью, ни утром Женька домой так и не вернулся.

Забежав утром домой - принять душ и переодеться - и предупредив Андрея, я поехал в больницу. Крупная купюра... и мне в сопровождение выделили милую медсестричку и с раздражающим поклонением довели до реанимационного блока. Полюбовавшись свернувшимся клубочком на двух стульях Женькой, спящим около лежащей на кровати маленькой бледной женщины, окутанной паутиной различных трубочек, я попросил проводить меня в кабинет главного врача. Тревожить парня я не стал, сейчас думаю, он меня бы даже не заметил.

Невысокий солидный мужчина с седой бородкой встретил меня как родного. Предложил чашечку кофе и с нетерпением стал поглядывать на меня поверх стильных очков. Похоже, молва о раздающем направо и налево денежку мне уже разлетелась по всем этажам. Вести долгие и нудные диалоги я не собирался, поэтому сразу задал интересующие меня вопросы: о состоянии здоровья Ракитиной Александры Витальевны, прогнозах на ее выздоровление и возможной помощи с моей стороны. Тяжело вздыхая, главврач все-таки начал читать мне длинную и, как он считал, очень познавательную для меня лекцию о проблемах здравоохранения и сложной ситуации во вверенном ему учреждении. Мужчина рассказывал о гениальности местного хирурга и волновался о срочности проведения операции для интересующей меня пациентки, тоннами сыпал на меня научные термины и непонятные слова, на которые я не обращал внимания и не запоминал, только ждал информации о том: сколько, когда и какие гарантии?

Сколько? Было много.

Когда? После получения денег на счет и стабилизации состояния пациента.

А гарантии? Их практически не было, шанс один из десяти, учитывая запущенность случая, возраст больной и ее слабое здоровье в целом.

Я взял бумажку с расчетным счетом для перечисления денег, обещание с главврача, что операция будет проведена как можно скорее, а также попросил не сообщать сыну Александры Витальевны о том, кто оплатил ее операцию и последующую реабилитацию.

Приехав в офис и добравшись до ноутбука, я первым делом перечислил деньги со своего личного счета на счет диспансера.

Пока это было единственное, что я мог сделать. Для Жени, для его матери и для себя. Оставалось только ждать предстоящей операции, надеяться на ее чудесный исход и верить в нашу родную медицину.

===== Глава 6 =====

Весь день был заполнен рабочей суетой: долгие переговоры, подписание новых и пересмотр условий старых контрактов, назначение и закрепление объектов за сотрудниками охраны и разбор полетов с персоналом. Впрочем - все, как всегда. Только к вечеру я смог вздохнуть свободнее и собрать в единое целое скачущие в моей голове мысли.

Понятно, что объяснение с Женей откладывалось на неопределенный срок, если не становилось совсем уже призрачным. Если и был, ну хотя бы самый крохотный шанс

поговорить с Женей о нас, то только после выздоровления и возвращения домой Александры Витальевны. Сейчас, занятый своей больной мамой, он, скорее всего, забыл даже про себя. У меня никогда не было таких близких отношений с родителями, поэтому понять этой самоотверженности и самопожертвования молодого парня я не мог. Но пришлось.

Посоветовавшись с друзьями, я организовал в диспансере круглосуточное дежурство наших сотрудников (присмотр, приобретение необходимых медикаментов и препаратов, мониторинг ситуации и моментальное информирование заинтересованных лиц), а также доставку обедов и ужинов для Зайки и его мамы. Почему-то я был уверен, что о такой мелочи, как собственное питание он подумает в самую последнюю очередь.

В своевременности и правильности своего решения я убедился уже следующим утром. Постоянный, «жирный» и супервлиятельный клиент прислал запрос на предоставление охранных услуг для сопровождения сделки с зарубежными партнерами и конкретным выбором сотрудника в сопровождение – Медведев Станислав Сергеевич. Да чтоб тебя... Именно тогда, когда я должен быть здесь, рядом с Женей. Ну почему? Я готов был похерить к чертям собачьим свою, так тяжело завоеванную репутацию и отказаться от договора, но подвести друзей и подставить агентство – не мог. Надо было ехать. И вроде неделя не такой большой срок, но в сложившейся ситуации даже этот небольшой отрезок времени казался вечностью.

Разумом я понимал, что Максим с Андреем все проконтролируют и помогут в любом случае и Жене, и его маме, и даже кардиодиспансеру, но душа рвалась на куски в желании быть рядом. С ним, с Зайкой.

<center> *</center>

Почти неделю я изображал грозного дрессированного медведя, стоя за спиной заказчика, и молился, чтобы «великая» сделка уже быстрее состоялась и, не дай бог, не сорвалась. Когда все документы были подписаны, а довольные друг другом нетрезвые деловые партнеры – благополучно доставлены в отель, наслаждаться мирным сном, я сорвался в аэропорт, чтобы ближайшим же рейсом вернуться к Зайке.

На следующий день, уже после обеда я вышел из терминала аэропорта родного города. У главного выхода меня встретил Андрей и, кинув ключи от моего припаркованного тут же автомобиля, сказал:

- Стас, Александра Витальевна умерла. На операционном столе, сердце не выдержало. Сегодня похороны.

- Что?! - на плечи обрушилось небо, холодное, грозное и невероятно тяжелое. - Андрей, а почему ты только сейчас мне об этом говоришь?

- А что бы ты сделал, узнай об этом два дня назад? Сорвал договор и сделку, бросив клиента, или выворачивал себе душу, не имея возможности сразу вернуться? – Да, Андрей как всегда был прав.

- Женька где?

- На Новом кладбище, Восточная аллея, похороны же...

Дальше я уже не слушал, с протестующим визгом шины Ауди практически вспороли асфальт, и я полетел в сторону погоста. Мой низкий полет прервали проклятые пробки на подъезде к городу, но я все-таки доехал, и надеюсь – не опоздал. Под неодобрительные взгляды

посетителей последнего пристанища, я бежал по главной аллее кладбища, в сторону новых захоронений, роняя гвоздики из огромной белоснежной охапки цветов, и притормозил только тогда, когда увидел знакомую фигуру. Женька сгорбившись стоял у небольшого холмика свежей могилы. Один. Церемония уже давно закончилась, все разошлись, а он все стоял...

Уже медленнее я подошел к скорбящему и ничего не видящему вокруг парню и рассыпал гвоздики по влажной земле.

- Мне очень жаль, - а что еще я мог сказать.

- Спасибо! И за цветы... - на меня смотрели заплаканные, потускневшие глаза.

- Жень, ты попрощался?

- Да. Наверное...

- Может, тогда пойдем домой, - обнимаю парня за плечи и разворачиваю в сторону выхода. - Тебе надо отдохнуть. Да и помянуть твою маму нужно.

- Хорошо, - практически шепотом, сухими безжизненными губами.

Жень всю дорогу покорно шел рядом со мной, безропотно сел в машину и послушно дождался, пока я ходил в магазин за водкой и незатейливой закуской. Мы подъехали к его дому, поднялись к квартире. Забрав ключи из его дрожащих рук, я открыл дверь, пропуская хозяина вперед. В квартире остро пахло лекарствами, было очень чисто и... бедно. Единственной новой, красочной и радостной вещью в доме был подаренный мной плюшевый медведь, сидящий на стареньком диване.

Тихой мышкой парень забился в уголок за кухонным столом, теребя в руках край скатерти. Значит, собирать поминальный стол предстояло мне. Я накромял, как умел, колбасы, хлеба и сыра, открыл банку с оливками и, не найдя рюмок, плеснул водки на дно чайных чашек. Дверной звонок заставил вздрогнуть не только хозяина, но и меня. Пошел открывать. За дверью меня ждала милая старушка с пирогами и банкой солений.

- Здравствуй, сынок, - старушка сунула мне в руки провизию и шагнула в квартиру. - Меня баба Тома зовут, соседка я. А кто ты будешь?

- Стас. Друг. Знакомый Жени... - А и правда, кто я?

- Это хорошо, Жене сейчас поддержка нужна, он же совсем один на этом свете остался. А я поминать Сашеньку пришла. Дверь не закрывай, сейчас еще и дед мой придет.

Баба Тома живо выложила свои припасы на стол, достала еще две чашки под водку, а появившийся из ниоткуда сухонький старичок с табуреткой, представившийся дедом Митей, бодренько рассадил нас за маленьким столом.

Сашеньку мы поминали под вкуснейшие соленые помидорки и огурчики, а пирог с рыбой вообще как-то ну очень быстро исчез в желудках. Вот только Женька почти ничего не ел, уже после нескольких выпитых глотков водки, он просто уснул, привалившись к стене.

Баба Тома помогла найти постельное белье, расправить и застелить диван. Женьку я на руках отнес в постель, раздел, тяжело повздыхал над сладко сопящим парнем и вернулся к столу. Когда водка закончилась, а из закусок остались только несколько сиротливых кусочков

колбаски и засохшего свернувшегося сыра, добрые соседи, забрав табуретку, ушли домой, оставив меня наедине со спящей мечтой и глупыми пьяными мыслями.

Но мысли остались только мыслями. Я лег рядом с Зайкой, крепко прижав его к себе, зарылся носом в его короткие волосы, блаженно улыбнулся и провалился в сон.

Разбудил меня нежный щебет птиц, доносящийся из открытого окна. На душе было светло и спокойно, и даже старый продавленный диван сейчас казался роскошнейшим ложем, а сознание того, что рядом с тобой спит самый нужный и желанный тебе человек, наполняло сердце бесконечной радостью. А мое счастье, уткнувшись мне в плечо, мерно дышало легким перегаром. Будить Зайку я не хотел, поэтому с огромным сожалением встал, собрался и тихо ушел, захлопнув дверь. Женька так и не проснулся.

<center> *</center>

Весь день я пытался дозвониться Зайке, но он опять не отвечал на мои звонки. Но, успокаивая себя тем, что парень просто отсыпается после пережитого, а его телефон, может быть, стоит на беззвучке, я все равно заводился все больше и больше. Хотелось бросить все и вернуться в пропахший лекарствами скромный дом, на жесткий диван, к Зайке.

К вечеру второго дня мое терпение с оглушительным треском окончательно лопнуло. Женька так и не брал трубку, не вышел на смену в кардиодиспансер и не появился на экзамене в колледже. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия, и я рванул в знакомый двор. Взбежав на второй этаж, у двери Зайкиной квартиры я увидел взволнованных бабу Тому и деда Митю с топором.

- Ой, сыночек, - запричитала старушка, - как хорошо, что ты пришел, Женечка дверь не открывает. Мы с дедом волнуемся.

- И давно, Зай... Женя дверь не открывает? - меня стало потряхивать от ужаса.

- Да уже два дня. Я к нему утром после поминок хотела зайти, помочь убраться. Он так и не открыл и вот до сих пор...

- Да я сейчас дверь вскрою! - свирепо замахнулся топором дед Митя.

- Тише, тише. Не будем портить чужое имущество, - я выскочил во двор, поднял глаза на почти родные окна. Ага, балкон так и остался открытым.

- Баба Тома, я попробую через окно, - крикнул я и мухой взлетел на балкон второго этажа. Страх придавал сил.

Ввалившись в квартиру, я замер, не веря своим глазам. Продрогший, посиневший Женька свернувшись комочком на диване, мелко дрожал, мертвой хваткой вцепившись в плюшевого медведя. Пустой, стеклянный взгляд, направленный в одну точку. Бескровные губы, что-то шепчущие на ухо игрушке. Господи! Мой бедный мальчик!

Я открыл дверь соседке, которая собрала в небольшой рюкзачок кое-какую одежду, забрал Женькины документы и ключи, завернул Зайкино холодное тело вместе с медведем, которого он так и не выпустил из рук, в плед, и утащил в свою машину. Рисковать своей и его психикой я больше не собирался.

В сумерках добравшись до дома, первым делом я отогрел Женьку в душе и насильно напоил

горячим чаем. Теперь он в обнимку с игрушкой лежал в моей постели и все так же, неподвижным взглядом, пялился в потолок. Надо было что-то делать, но вот что – я не знал. Боясь напугать парня, я медленно опустился на кровать рядом с ним, обнял и стал ласково гладить по голове, шепча какие-то глупости о сильном мальчике и о его маме, которая была для него самым дорогим и любимым человеком. Я говорил и говорил. Постепенно в глазах Зайки стали появляться проблески понимания и отголоски жизни.

- Мама меня очень любила. Только она одна, - по его щекам потекли слезы.

- Можно теперь тебя буду любить я?!

Но Женя меня как будто не слышал, он, словно выплескивая из себя горе, начал рассказывать о своем небогатом, но таком счастливом детстве, о любимой и любящей матери, о том, как стало тяжело, когда из-за болезни она уже не смогла не только работать, но и даже дышала с трудом. Переплетя наши пальцы, я слушал его откровения, иногда вставляя никому не нужные реплики, а Зайка беззвучно плакал, и вместе с ним выло и рыдало мое сердце. Как же мне хотелось забрать у него всю эту боль и подарить взамен тепло и нежность. Меньше чем за час я узнал о парне больше, чем о себе. Мне действительно осталось только восхищаться силой духа этого почти ребенка, на которого жизнь так рано взвалила ответственность не только за себя, но и за большую маму. Малыш, пожалуйста, разреши теперь мне заботиться о тебе и любить.

Женька потихоньку оттаивал и приходил в себя, слезы закончились. Он приподнялся и, прислонившись к моему плечу, перебирал мои пальцы, забыв о плюшевом мишке. А я млел и тихо сходил с ума от его близости и доверия.

- Жень, поспи, поздно уже, - я начал подниматься с кровати, внутренне сжимаясь от перспективы провести ночь на диване в гостиной.

- Не уходите, пожалуйста, - я даже не поверил сперва, - с Вами так тепло и спокойно.

- Я никуда не уйду, - сползаю на подушку, обнимая и увлекая за собой Зайку, - Никогда! - целую в макушку и закрываю глаза. Тихое сопение и мокрая от еще не высохших слез щека у моего сердца приносят покой и надежду.

<center> *</center>

Снова радостное утро. Открываю глаза и с дебильной улыбкой поворачиваюсь к сонному смущенному Женьке.

- Доброе утро!

- Доброе, - шепчет парень, выпутываясь из моих рук.

Нехотя отпускаю, но знаю, что так будет лучше.

- Жень, как ты себя чувствуешь?

- Хорошо. Извините меня за истерику, я приношу Вам столько проблем.

- Жень, это ты сейчас о чем? - недоумеваю я. - Никаких проблем и, пожалуйста, давай уже на «ты». Хорошо?

- Хорошо, я постараюсь... - отступая в сторону двери, - эм... а можно мне в ванну?
- Стас, меня зовут Стас, - улыбаюсь я. - Конечно можно. Или сюда, или - если тебе привычнее - внизу, гостевая.
- Спасибо, Стас, - и парень проскальзывает в дверь, сбегая от моих смеющихся глаз.
- Жду тебя на кухне. Кормить буду! - кричу ему вдогонку.

На этот раз Женька позавтракать не отказался. Он жмурился от удовольствия, глотая горячий кофе со сливками, хрустел тостами и уплетал мой фирменный омлет, я же смотрел на него и наслаждался ощущением безмерного счастья и пьянящего удовольствия. Как же мне хотелось сейчас остановить время, навсегда.

Взяв с Зайки обещание, что он дождет моего возвращения и никуда без меня не уйдет, я галопом ускакал на работу. Закончив необходимое в рекордные сроки, сбежал домой, боясь, что сегодняшнее утро было только моей фантазией.

Напряженный, почти полностью одетый на выход Женя сидел на диване и мял в руках свой рюкзачок.

- Что-то случилось? - да, не зря я не верил в реальность утра.
- Мне нужно идти, я и так злоупотребляю Ва... твоим доверием и гостеприимством.
- Так, Жень. Ты что уже здесь себе напридумывал? - не могу я его отпустить, ну да, я эгоист, но как я теперь без него.
- Мне надо уйти, у меня экзамены и работа, - поднимается с дивана и направляется к выходу.
- Жень, а давай ты пока здесь поживешь, - в горле пересохло, давя из себя слова, пытаюсь найти самые нужные. - Ездить на работу и в колледж ты можешь и отсюда. Пожалуйста, поверь мне. Сейчас тебе нельзя быть одному. Ну, хотя бы на время останься, на неделю, Жень, пока все не перестанет так сильно болеть. Это нужно и тебе и... мне.

Подхожу к парню и заглядываю в глаза, полные слез. Ты же сам не хочешь уходить, Зайка. Останься. Поверь.

- Жень, я клянусь тебе, что ничего не попрошу взамен. Никогда больше не заставлю делать то, что ты не хочешь. Прости меня за все, что было! Останься?! Пожалуйста.

Он поверил. И остался. На неделю. Пока на неделю.

===== Глава 7 =====

Зайка вместе с игрушечным медведем на время экзаменов поселился в моей гостиной на диване, категорически заявив, что останется только на таких условиях. Я не возражал. В сессию он не уложился из-за круглосуточных дежурств у постели матери и похорон, поэтому теперь ходил на пересдачи, а я все-таки смог уговорить его взять отпуск и в диспансере, и в ресторане. Мы по-честному поделили подушки, одеяла и ванны комнаты. Кухня осталась в общем владении. Ну и... я не смог отказаться от возможности проводить время рядом с Женей и теперь каждый вечер тупо лупился в телевизор в гостиной, а также зарабатывал косоглазие, косясь на готовящегося к экзаменам парня. На тонкие пальцы, порхающие над клавиатурой

ноутбука или переворачивающие страницы учебников. На прикушенную губу или карандаш. На шевелящиеся губы, повторяющие заученный материал. Умирал от желания и снова оживал от восторга. Зайка был здесь, со мной.

Мое тихое «семейное» счастье рядом с дорогим и родным человеком омрачало лишь одно - я просто панически боялся снова увидеть пустые стеклянные глаза и Женькино безразличие к жизни. Пока он готовился и сдавал экзамены, ему было некогда бесконечно печалиться и скорбеть по ушедшей маме, но, оставшись один на один со своими мыслями, он замыкался, деревенел, и на его глазах начинали предательски поблескивать горькие слезы. Поэтому я и мчался каждый вечер домой, проклиная пробки и матеря светофоры, а потом скакал вокруг него шутком гороховым, не оставляя в покое и судорожно придумывая все новые забавные развлечения. Купил какую-то навороченную игровую приставку, и несколько вечеров подряд мы рубились с Зайкой в воображаемую войнушку. Удивительно, но я был так же счастлив и радовался своим виртуальным победам, как и Женя.

Мы съездили к Зайке домой, чтобы собрать и привезти учебники и все нужные ему вещи, которые я не взял. Баба Тома, увидев нас во дворе, тонко завyla и полезла обниматься. Пока поднимались к квартире, она все гладила Женьку по спине и в ярких красках описывала весь тот ужас, который ей пришлось пережить, когда «бедный мальчик» не открывал дверь и никак не реагировал на ее просьбы и крики. Как дед Митя собирался топором выломать дверь, чтобы спасти несчастного парня, которого уже и не надеялись увидеть живым. И о волшебном появлении «героя», покорившего невероятную высоту (ну да! второй этаж! прямо Эверест!) и вынесшего на руках впавшего в забытие мальчика. К концу этого сказочного эмоционального повествования я уже и сам практически верил в свое неземное происхождение, даже несколько раз взглянул в зеркало, чтобы убедиться в отсутствии нимба на голове и крыльев за спиной. А Женька исподтишка пытался поймать мой взгляд, который я старательно от него прятал.

- Баба Тома, я пока у Стаса поживу, присмотрите за квартирой, пожалуйста, - наконец-то смог вклиниться в нескончаемый монолог Женька.

- Конечно, Женечка, не беспокойся. Как хорошо, что Стасик тебя поддержит и поможет. Мама-то... - ну все, сказки были забыты, и опять полились слезы и сопли через край.

Собирая в сумку книги, тетрадки и учебники, я внимательно следил за парнем, который все больше мрачнел под траурные причитания соседки, и как только заметил, что он больше не может сдерживаться и на его глаза опять навернулись непрошеные слезы, уволок его подальше от ходячего источника печали и скорби. В кино. К моему несказанному удивлению Женька выбрал... мультики. Почти полтора часа он улыбался и сверкал счастливыми глазами, внимательно следя за приключениями рисованных монстров. Судьба заставила его быстро повзрослеть, но оставила ему кристально чистую душу ребенка. Он так искренне радовался таким, казалось бы, глупым вещам: плюшевой игрушке, веселому мультику, игровой приставке, связке воздушных шаров. Сводить его в цирк, что ли?

В цирк мы так и не попали, но вот в тренировочный зал я его с собой взял. И очень об этом пожалел. Уже через десять минут после нашего прихода я хотел превратить спортзал в кровавую бойню, а парней, тренирующихся сейчас - в мелкий котлетный фарш. И все потому, что один сероглазый паразит, сидящий рядом со мной на скамейке, с таким неприкрытым восхищением следил за ребятами, восторженно вздыхал, наблюдая за боевым танцем противников и всем телом поддавался вперед на каждый удачный прием. Убью. Всех.

Обстановку разрядил подошедший к нам Макс.

- Привет, Стас! - пожал мне руку лучший друг. - Ты мне нового бойца привел? Как зовут? - оценивающе окинул он взглядом смутившегося Зайку.

- Женя.

Брови Макса уползли почти к границе волос, а мне прилетела его ехидная улыбка.

- Меня зовут Максим, я хозяин этого спортзала и лучший друг Стаса. Ну, так как, вы просто посмотреть или кости размять? - сжимал в своей лапище Женькину ладонь Макс.

- А можно?! - нетерпеливо ерзал по скамейке Женька, пытаясь вернуть свою руку, пусть и не невредимой, но хотя бы не покалеченной. - Только я так не смогу.

- Без проблем. Научим, - лыбился во все белоснежные и дружескими похлопываниями отбивал мне плечо хозяин спортзала. - Да, Стас?!

Я молча кипел и мечтал научить Макса держать язык за зубами.

- Нравится? - продолжал обольщать наивного детёнка этот змей-искуситель.

- Очень! - старательно кивал головой Женька. - Я и не знал, что так можно... Думал, что так умеют только в кино...

- Умеют. И не только в кино. Вот Стас тоже так умеет.

Вот зараза! Похоже, сейчас Стас продемонстрирует все свое умение на лучшем друге, которому в травмпункте давно прогулы ставят.

- Правда?! - подорвался со скамейки Женька.

Ух ты! Каким взглядом при этом он меня одарил. За это я тут же простил Максу всё. Все прошлые косяки и насмешки, а заодно и большинство будущих.

- Правда, правда. Попроси его стать твоим личным тренером. Всё равно больше никто из ребят на это не подпишется.

- А я и не против, - улыбнулся, а потом удивленно распахнул глазки Зайка. - А почему?

- Так мы самоубийц и смертников не готовим... - подмигнул мне друг, прекрасно понимая, отчего так горят злобой мои глаза. - Ты, Женя, в тренерской можешь подобрать себе форму, если с собой не взял, и татами в полном вашем распоряжении.

- Удачи, Гризли-и-и... - томно пропел мне на ухо Макс и ушел, похохатывая и потирая ручки. Гаденыш!

Потренировались мы знатно. Как же было сладко и чертовски здорово прикоснуться к Зайке, не боясь его настороженности и робости. Парень выучил пару приемов и так открыто и бесхитростно этому радовался, а я к концу тренировки мучился мощным стояком и мечтал сбежать в душ. Хотя о чем это я...

Монументальный, хронический стояк неизменно появлялся и мешал мне разумно мыслить, стоило Женьке только возникнуть в поле моего зрения. Я был чист, как слеза младенца, потому что еще никогда не проводил столько времени в ванной, прибегая к услугам безотказной правой руки. Еще немного, и кровавые мозоли на ладонях мне были бы

обеспечены, но, увы... Мужик сказал глупость, мужик глупость сделал. Обещание, данное Женьке, я исполнял, но как же это было сложно, а порой просто невыносимо трудно.

Лето - жаркое и знойное. Солнце - обжигающее и слепящее. Густая зелень - как невесомый намек на тень и прохладу. Теплые дожди и ласковый ветер, приносящие лишь временное облегчение. Уже две недели вихрем пронеслись и канули в небытие. Экзамены были успешно сданы, на игровой приставке пройдены еще несколько уровней, моя видеокolleкция пополнилась огромным количеством мультиков и фэнтезийных киношек, тренировки приносили Женьке неизменное удовольствие и радость, а мне - мучение и сексуальную неудовлетворенность, но разговор о дальнейшем проживании Жени в моей квартире приближался и страшил. Я сам сейчас не знал, чего же хочу. Расстаться и отпустить - не мог, а просто находиться рядом - уже был не в силах.

<center> *</center>

Сегодня я задержался на переговорах, добивая выгодный контракт, поэтому вернулся домой уже практически за полночь. Женька спал, сидя на неразобранном диване, привалившись к подлокотнику. Ждал? Бубнящий телевизор был единственным мерцающим источником света в комнате, и я, остановившись в дверях, наслаждался этой восхитительной картиной. Но для полной идиллии и волшебного блаженства чего-то не хватало, и я точно знал - чего. На цыпочках подошел к дивану, опустился на ковер у ног парня и положил голову Женьке на колени, стараясь не разбудить. И пусть эти ощущения покоя, тепла и праздника были украдены мной, сейчас я был бесконечно и по-идиотски счастлив. Вот теперь все правильно, именно так должен был выглядеть мой персональный рай в моих же, пока еще приличных, фантазиях. Я закрыл глаза и погрузился в сладкую негу. Как же мне было хорошо!

Мне снился восхитительный сон. Ласковые пальчики ворошили и зарывались в мои непослушные космы, ласкали затылок, даря блаженство и безмятежность. Просыпаться я категорически не хотел, пытаюсь продлить это пленительное наваждение. Но... это был не сон. Открыв глаза, я откинул голову назад и наткнулся на внимательный серый взгляд.

- Привет, - хрипло произнес Женя. Пальцы в моих волосах на мгновение дрогнули, но не прекратили своей мучительной ласки.

- Привет, - ответил я не менее хриплым голосом, даже не делая попытки отвести взгляд или убрать голову с его колен.

- На работе задержался? - ладошки мягко спустились на шею, нырнули в ворот рубашки, прошли по ключице.

- Да... - шепчу в ответ.

Мама дорогая, да что же это делается-то.

- Устал, наверное? - пальчики вернулись на затылок, потом накрыли виски, заботливо помассировали, обрисовали овал лица, контур губ.

- Нет.

Даже если усталость и была, сейчас ее просто смело волной бешеного возбуждения. Ни думать, ни дышать я уже не мог. Сердце рвалось наружу, выламывая ребра. Зайка, что же ты творишь?

Я развернулся и замер, стоя на коленях между ног у Женьки. Его глаза были так близко - потемневшие, глубокие, искрящиеся желанием. И я не ошибался, нет - это было именно желание. Губы влажно блестели, манили и обещали. Устоять я не смог. В этот раз наш поцелуй был неторопливым и горячим, нежным и властным, страстным и мягким. Я словно окунулся в обжигающий, ласковый омут, не отпуская и затягивая в него за собой и Зайку. Ласкал невероятно желанные губы, покусывая и посасывая, наслаждаясь их нежностью и такой знакомой лимонной сладостью; пальцами проводил по шее и груди; ладонями сжимал бока через тонкую ткань и гладил спину. Вцепившись в мои плечи, Женька отвечал. Как умел, как мог. Это пьянило, будоражило и выносило последние остатки здравого смысла, заполняя тело огненной лавиной страсти. Воздуха катастрофически не хватало, в голове - «белый шум», а перед глазами - сверкающие круги. Каким-то сверхъестественным усилием мне все-таки удалось разорвать поцелуй и отпустить парня.

Мы тяжело дышали, ловя по крупицам обжигающий воздух, и недоверчиво смотрели друг на друга. Что это было и что сейчас делать, я не знал. Но, похоже, это знал Женька: он вывернулся из моих рук и поднялся с дивана.

- Мне, наверное, нужно в ванную?

- Зачем? - недоумеваю я, мозг все еще где-то бродит и возвращаться пока не собирается.

- Ну, как зачем... - растерявшись, Зайка опустил глаза, а его ушки так мило покраснели... и щеки заалели бесподобным румянцем.

- Э-э-э...

Слов нет. О, Господи! Неужели это то, о чем я даже и думать уже не смел.

- Я быстро, - Женька смущенно улыбнулся, а потом - рывком содрал с себя футболку, бросил ее мне. И, зацепив большие пальцы рук за пояс джинсов, при этом немилосердно обтянув штанами свою восхитительную попку, танцующей (!) походкой ушел в сторону гостевой ванной.

Вот это да! Это кто же - здесь, сейчас и кого - так бессовестно соблазняет и безумно хочет... Ай да Зайка!

С первой нашей встречи я не могу ни угадать, ни предсказать, ни просчитать реакций и действий этого парня. С ним всё и всегда идет не так. Сколько же твоих сюрпризов, Зайка, меня ждет?

Еще до конца не веря своему счастью, спотыкаясь и ломая ноги, взлетаю по лестнице в спальню. Врываюсь в душ, чуть не снося дверь, и торопливо раздеваюсь. Сегодня мне не до шалостей, но член ноет, требуя разрядки. Надо помочь «младшему брату», чтобы... Ох! Пара резких движений, и снова я на полу душевой кабинки тяжело дыша ловлю губами воздух и теплые струйки воды. Дежавю, не иначе!

Так и не решив, остаться мне в спальне или вернуться на диван, я в одних домашних штанах сидел на ступеньках лестницы и ждал Женьку, уговаривая себя: это не сон, Гриззли, не сон!

Зайка вышел из ванной в одном полотенце и остановился в трех шагах от меня, закусив губу, снова нервно теребя ткань и не поднимая глаз. Просто прелесть! А я сидел и смотрел на него. Минуту. Потом Женька решительно прошел мимо меня и стал подниматься по лестнице, сверкнув обнаженным бедром и мимоходом взъерошив мои волосы.

Ой! Мамочки! Спокойно, Стас, спокойно!

Сбежав на кухню, глотнуть водички и хотя бы чуть-чуть успокоить взбесившееся сердце (повертел в руках валокордин и все-таки поставил его обратно в аптечку), я рванул в спальню. Привалившись к спинке, Женя ждал меня, сидя посередине кровати, неяркий свет торшера уютно рассеивал темноту и блестел в его темноволосой макушке. Заваливаюсь рядышком и опять, положив голову ему на колени, жду, когда его пальцы зароятся в мои волосы. Хочется мурлыкать и царапаться от удовольствия.

Женька вздрагивал, тихонько сопел, но самозабвенно продолжал трепать пряди, когда я начал мягко поглаживать его ноги, аккуратненько забираясь все выше по бедру под махровую ткань, сам изнемогая под его наивными ласками. Хотелось всего и сразу, но - нельзя! Сегодня - нельзя! Сегодня надо было постараться сделать все правильно и, если получится - менее болезненно. Поэтому, стиснув зубы и ежесекундно ловя ускользающий в омут желания рассудок, я дарил ласку, страсть и себя. Парню, которого так долго ждал. Целовал Женькины коленки, уже более настойчиво гладил бархатные бедра, легко касаясь большими пальцами их внутренней стороны, прекрасно помня все его чувствительные местечки. Распахнув безумно мешающее полотенце и содрав с себя штаны, тяну парня за ногу, укладывая на спину и накрывая его тело своим. И снова мы целовались: жарко, трепетно и так восхитительно прекрасно. Припухшие губы и искрящиеся глаза, вспотевшие виски и обжигающее дыхание, горячечный шепот и крупная дрожь по всему телу. Просто божественно, а я и не знал, что так бывает.

Жадными губами прохожусь по Зайкиному телу: целую за ушком, шею, плечи, грудь, живот, тазовые косточки, нетерпеливыми руками оглаживаю внутреннюю сторону бедра, а Женькины горячие ладони бродят по моей спине и плечам, обжигая и порой судорожно впиваясь в кожу. Парень реально очень чувственный и отзывчивый, он плавился и таял, поддаваясь, всем телом навстречу моим рукам и инстинктивно раздвигал обласканные бедра. Принимаю приглашение и переносу все свое внимание на нежную кожу промежности и мошонку. Методично сжимаю и оглаживаю налившийся член, перебираю в ладонях яички, мягко массирую мошонку, осторожно пробираюсь дальше, раздвигая крепкие соблазнительные ягодички. Но тут Женька рвано выдыхает и мертвой хваткой цепляется мне в предплечье.

- Тише, малыш, тише! Я постараюсь не делать тебе очень больно. Веришь?

- Да, - хрипит парень и потихоньку разжимает пальцы.

Достаю из тумбочки и кидаю на подушку презерватив и смазку и, обильно смазав пальцы, возвращаюсь к прерванному занятию. Снова осторожно касаюсь входа, не отводя глаз от его лица. Он глубоко дышит и честно пытается расслабиться.

У нас все получилось. Уже очень скоро я ласкал горячие внутренние стенки ануса двумя, а потом и тремя пальцами, все глубже и настойчивей, расслабляя упругие мышцы, нежил пульсирующие стеночки, задевал простату и любовался на бушующее в его глазах желание и выгибающееся от удовольствия тело. Потихоньку достаю пальцы, вовлекая Женьку в сумасшедший поцелуй. Широко разведя стройные ноги и приподнимая его за ягодички, одним медленным тягучим движением вхожу в его тело, до конца. Парень судорожно дергается и до крови прокусывает мне нижнюю губу. Боль мы разделили почти поровну. Когда его зубки разжались, замершее тело расслабилось, а хватка на моей поясице ослабла, я начал двигаться, сперва неторопливо и размеренно, следя за его реакцией, а потом постепенно увеличил темп, глотая свою кровь из прокушенной губы и его чуть слышные стоны.

- Женя... мой хороший... Люблю... - нашептывал я на ушко Зайке, целовал нежный изгиб шеи с бешено бьющейся жилкой, накрыв ладонью его вернувшееся возбуждение, наслаждаясь бархатной кожей под моими пальцами, сжимая твердый ствол и поглаживая большим пальцем чувствительную головку.

К финишу мы рвались вместе, не желая уступать друг другу первенство. Он двигался мне навстречу, вжимаясь в мои влажные бедра, сводил с ума - жаркими ладонями, томными вздохами, и сверкающими, как звезды, глазами. А я ласкал его член, целовал лицо, плечи и шептал, шептал романтические глупости, пока не сорвался в фееричный, обжигающий и невероятный по своей силе оргазм, увлекая за собой Женьку, лоя в свою ладонь горячее семя и просто упиваясь его экстазом.

В себя мы приходили долго, пока окутанное истомой тело продолжало мерно вздрагивать от расходящихся и медленно замирающих где-то в кончиках пальцев волн наслаждения. Успокоить сердце, рвущееся на куски от кайфа и бурлящего в крови адреналина, оказалось тоже не так-то просто. Помог прохладный душ и бутылка холодной минералки, которую я приволок из холодильника. Уставшие, разморенные и невероятно счастливые мы уснули под робко появляющиеся лучи рассветного солнца.

<center> *</center>

Проснулся я первым, Женька еще спал, так привычно, уткнувшись головой мне в плечо и обнимая одной рукой. Похоже, из рая меня пока выгнать не собирались. Полежав немного рядом со своим спящим счастьем, я все же заставил себя вылезти из кровати. Как бы мне ни хотелось, но после ночного подвига меня ждал трудовой. Хотя. Можно же просто позвонить. Спустившись вниз, принял душ и пошел готовить завтрак и варить кофе, зацепив по дороге телефон.

- Слушаю, - даже в такое раннее время голос Андрея был бодр и свеж, - что случилось, Стас?

- Все прекрасно, - делюсь радостью с другом, - хотел предупредить, чтобы сегодня меня на работе не ждали.

- В четверг? - все же выдает он свое удивление. - Что все-таки случилось? Может, подождешь до пятницы...

- Лис, мне этот день нужен. Потом все объясню. Не теряйте.

- Ясно, - сомневаться в проницательности Андрея было бы нелепо. - Женька?

- Да! - пишу от удовольствия. - Ну все, Андрюх, пока! До завтра!

О-о-о! Этот чудесный, сказочный выходной день, который я проведу с Зайкой.

Мечтая обо всех тех безобразиях, которыми я сегодня хотел заняться, и с головой зарывшись в холодильник в поисках чего-нибудь вкусенького, я пропустил появление в дверях кухни сонного Женьки.

- Доброе утро!

- Доброе! Что хочешь на завтрак? - я вылез из холодильника, подошел к парню и мазнул легким поцелуем по его виску. - Есть драники. Или бутербродами обойдемся?

- Драники, со сметаной, - загораются предвкушением Зайкины глазки. - Мама их часто готовила.

- Отлично. Чай или кофе?

- Кофе. Ты варишь очень вкусный кофе. И сливки.

Вроде и комплимент простенький, а так приятно!

- Беги, умывайся. Жду тебя за столом, - ласково шлепаю по попе, удаляющейся в сторону ванной.

Минут через пять мы с удовольствием наворачивали завтрак. Женька до сих пор так и не разучился краснеть и стесняться, и мне постоянно приходилось отводить от него взгляд, чтобы парень хотя бы не давился едой.

Но вскоре его смущение сменилось сосредоточенностью и задумчивостью.

- Стас, а можно тебя спросить? Только ответь честно!

По спине побежал колючий холодный ветерок. Кажется, кто-то все-таки начал упорно и ненавязчиво выталкивать меня из моего рая. На вопросы, которые он обычно задает, у меня, как правило, ответов нет.

- Это же ты помог нам в больнице? - пристальный взрослый взгляд без следа слез и печали. - Почему?

- Вот же эскулап очкастый, сдал все-таки, - шиплю я себе под нос, даже не зная, радоваться мне или огорчаться.

- Нет, мне никто ничего не говорил. Но это же и так понятно. С нами лет пять даже разговаривать об операции не хотели, денег же у нас не было, а благотворительные организации помогают только детям, это более престижно. Да и лекарства, уколы, отдельная палата, похороны и совсем не больничная еда. Мне сперва некогда было об этом думать, а потом я все понял.

- Да, - сейчас соврать или промолчать у меня бы просто не получилось, - только я не один помогал, мне пришлось в командировку уехать, так что в основном за ситуацией следили Максим и Андрей.

- Почему? - голос Женьки начинает дрожать, но в глазах все также блестит холодная сталь. - Я не понимаю, зачем это нужно было тебе, а тут еще и твои друзья...

- Ну, наверное, потому что они мои друзья. Жень, давай забудем об этом. Пожалуйста.

- Я не могу. Забыть - не могу, - Женька выскочил из-за стола, такой серьезный и взволнованный, и замер у окна, тяжело облокотившись о подоконник. - Почему ты это делал? Мне надо знать.

Я подошел к нему сзади, обнял и положил подбородок на его плечо.

- Может быть, потому, что ТЫ мне не безразличен. И не безразлично то, что происходит с тобой, вокруг тебя, с дорогими тебе людьми, - терся я щекой о вспотевший висок парня, вдыхая его теплый запах, смешанный с ароматом кофе. Зайка же только глубоко дышал и легонько

вздрагивал, когда мои пальцы касались его кожи под футболкой.

- Жень, а ты ответишь честно на мой вопрос?

- Какой?

Зайка снова начинает смущаться и нервно сглатывать.

- Что? Это? Вчера было? - шептал я в краснеющее ушко и, целуя пылающие румянцем щеки, - Скажи. Мне тоже надо знать.

- Я хотел поблагодарить и...

- Поблагодарить?! - задохнулся я от нахлынувшей вдруг ярости.

Из рая меня выставили грубым и безжалостным пинком. Сердце моментально сжало тисками и заморозило. Как же больно. Больно, холодно и обидно. А что ты хотел, Гризли - любви до гроба? Скажи спасибо, что хотя бы на благодарность раскошелились.

- Поблагодарить?!

- Стас, ты меня не дослушал... - развернулся ко мне Женька, пытаюсь заглянуть в глаза и поймать мою руку.

- А зачем мне слушать дальше, зачем? - меня просто колотило от злости и унижения. - Действительно, что может еще хотеть озабоченный эгоист! Только секса! Так? Жень! Да?!

- Что я должен сделать, чтобы ты меня выслушал? - Зайка смотрел на меня, сжав зубы и гневно сверкая глазами.

- Делай, что хочешь, - резко сдувшись, равнодушно отвечаю я. - Только больше никогда не благодари меня ТАК.

- Не безразличен, значит... - горько прошептал себе под нос парень и отвернулся к окну, пряча слезы.

А я сбежал. Позорно и трусливо. В ванну.

Когда через час, немного успокоившись, я вышел из «сумрака», Женьки в квартире не было, не было и его вещей. Только плюшевый медведь сиротливо и грустно сидел на диване в гостиной.

Вот и поговорили.

Вот такой вот он - чудесный и сказочный выходной день, который я проведу... один.

===== Глава 8 =====

В выходные Андрей и Макс угрозами и шантажом вывезли меня на дачу, подышать свежим воздухом. Я же мечтал побыть один, чтобы спокойно упиваться своим горем, обидой и одиночеством. Но нет! Меня ждали баня, березовый веник, холодная бутылка водки (и не одна), овощи с огорода, шашлычок, а также душевная беседа на троих.

Дача встретила нас буйной зеленью, чистым, сладким воздухом, горячим солнцем, веселым визгом дочек-двойняшек Андрея и теплой улыбкой его жены Наты. Да, да! Вот уже лет шесть,

как Андрей был счастливо женат на рыжей веселой толстушке, которая подарила ему двух очаровательных девчонок – вечная мужская гордость и безумный отцовский восторг. Маленькая, пухленькая, как пупсик, Наташа была старше Андрея почти на пять лет, но любил он ее самозабвенно и преданно. Мы с Максом до сих пор не могли понять, как после бесконечной череды длинноногих и брюнетистых молодых кобылок он женился на этой простенькой взрослой женщине. Но... Андрей был счастлив, и все остальное для нас было уже не важно.

Ночь за городом: черная, непроглядная, с яркими звездами и сияющей луной, песнями сверчков и комариным писком, и я – исхлестанный веником, отмытый до скрипа, пьяный и грустный, в гордом одиночестве вдыхаю ночную прохладу на веранде. Мужики уже спят, убаюканные баней и алкоголем, а мне не до сна. Тяжелые невеселые мысли бродят в голове, сталкиваясь и причиняя боль, не только физическую.

Мимо бесшумной тенью скользит Ната, собирая грязную посуду.

- Нат, посиди со мной, - с женой Андрея мы практически не общались, но сейчас одиночество давило и выкручивало.

Женщина присела рядом со мной на диванчик.

- Не спится тебе, Стас? – мягкий приятный голос дарил покой и тепло. - Может, поделишься проблемами, вдруг легче станет.

И я поделился. С пьяной откровенностью и уже неконтролируемым желанием высказать все, что так долго копил в себе. Рассказал. Ничего не утаивая, не выгораживая себя и никого не обвиняя в случившемся. О том, как познакомился с Зайкой, как издевался над парнем, пытаюсь заставить подчиниться, как с удовольствием принял его поражение. Как потом преследовал, как сам пытался понять, что со мной происходит. О поцелуи под рябиной и о смерти Зайкиной мамы, о том, как чуть не сошел с ума вместе с ним от горя. О нашей ночи и о моей дурацкой утренней выходке, которая перечеркнула все, чего с таким трудом я успел добиться.

Ната слушала и молчала, давая мне, возможность выговориться и только иногда ласково и как-то по-матерински сжимала мои дрожащие пальцы. А потом мы долго молчали уже вместе. Мне было стыдно.

- Знаешь, Стас, мне очень трудно понять и принять твои чувства к... парню. Как-то по-другому меня воспитывали, – медленно произнесла женщина.

- Да, я сам долго не мог в это поверить. И до сих пор не верю. Но... получилось так. Только вот оказалось, что Женьке моя любовь не нужна? Для него это не любовь, а проклятье. Я ужасный человек, бездушная сволочь, я приношу людям, которых люблю, только проблемы и сложности... - закончил я свою отповедь.

- Нет, Стас, - пухлые пальчики гладили мою руку, - ты ошибаешься. У плохих людей хороших друзей не бывает. А у тебя они есть.

- Есть. Вот только друзья у меня и остались...

Наташа встала с диванчика, ласково улыбнулась и сказала:

- Идем уже спать, утро вечера мудренее. Вы еще завтра обещали мне старую яблоню выкорчевать. А у тебя, Стас – все будет хорошо! Вернется твой Женька.

И звонко хлопнула меня по лбу, размазав настырного комара.

- А если не вернется? - ошарашенно стирал я ладонью кровавый след, наблюдая, как она уходит в дом. - Я опять его обидел, даже и не заметив.

- А если не вернется он, тогда его вернешь ты, - мягко ответила мне Ната, одарив надеждой и вернув мне веру. - Я же права?!

- Права! Спасибо, Наташ!

- И все-таки зря ты не дослушал тогда своего Женьку...

Я знаю! Теперь - знаю!

<center> *</center>

Новая рабочая неделя закрутилась калейдоскопом, не давай расслабиться и унывать. Понедельник - день безумный. После обеда, пока я релаксировал над чашкой кофе и новым договором, меня вызвонил Макс.

- Женька на тренировку пришел, - бодро отрапортовал мне хозяин спортзала.

- Ну и что, - играю в равнодушие и пытаюсь унять скачущий бешеным кроликом пульс.

- Да так просто, - включается в игру Максим, - хотел тебя, как тренера, в известность поставить, но если ты отказываешься от подопечного, то я могу взять над ним шефство. Мальчик-то перспективный...

- Макс, а смерти ты совсем не боишься?! - разъяренным медведем реву я.

Да, с безразличием - это я лоханулся... Мальчик?! Перспективный?!

- Да ну! - смеется этот паразит. - Вали уже в зал, Отелло!

Чуть не сбив с ног девочек из бухгалтерии, я на крейсерской скорости летел по коридору в сторону спортзала, расстегивая на ходу рубашку и срывая галстук. На входе меня поймал Макс и отправил переодеваться и успокаиваться.

Из раздевалки я вышел, излучая космическое спокойствие, вот только внутри меня не по-детски трясло от возбуждения и бешенства. Оглядев подозрительно опустевший в середине рабочего дня зал, подхожу к своему ученику.

- Не ожидал тебя здесь увидеть.

- У меня сегодня тренировка, - отстраненно отвечает мне Женька, разминаясь на матах. А в глазах - вечный лед.

- А не боишься? Тренер не в духе, вдруг покалечит? - начинаю закипать, злость просто рвется наружу. Встаю напротив него в стойку.

- Мне все равно... - да, его голосом можно заморозить Байкал, до самого дна.

Боевая стойка. Отличная, надо сказать, стойка. Хороший у тебя, Зайка, тренер.

Мы пару минут кружим по татами. Первый захват мне не удался, Женька увернулся. Второй захват, с обманкой и... парень звездочкой лежит на матах, а я, навалившись сверху и удерживая его руки, шепчу:

- Что так?

- Это личное. Вам не интересно, - слабо рыпаясь, пытается он вылезти из-под меня.

Ага, сейчас! В моих венах уже бушует адреналин, выжигая злость и превращая обиду в страсть.

- Ну почему же, мне очень даже интересно, - бедром прижимаюсь к его паху и в безмерном удивлении замираю, выпустив добычу из рук.

Вот это сюрприз! А ученик-то возбужден не меньше тренера.

Женька, воспользовавшись моим смятением, все-таки выворачивается и на карачках пытается от меня сбежать. А у меня уже черные кляксы перед глазами расплываются от его близости и зашкаливающего желания.

- Куда-то собрался, Зайка? - ловлю за бедра и притягиваю обратно, краем глаза замечая, как еще недавно стоящий у входа статуей Макс, плотненько прикрывает за собой дверь, оставляя нас с Женькой один на один.

- Домой, - ворчит ученик, выпрямившись на коленях и пытаюсь отодрать от себя мои пальцы. - Тренер сегодня какой-то неадекватный, обещал покалечить.

- А трахнуть тебя тренер не обещал? - принимаю правила игры и закусываю так удачно попавшуюся мне на зуб мочку уха.

- Нет, не обещал, - притворно вздыхает и ёжится Женька, уже сам подставляя под мои губы шею. - Сказал вообще к нему с такими глупостями не подходить.

- Когда это я такое говорил? - от удивления выпадаю из образа.

- ...больше никогда не благодари меня ТАК... - ехидно процитировали мне меня.

- Да-а-а! И ты поверил?! - одной рукой притягиваю его за плечи, прижимая напрягшейся спиной к своей груди, а второй изучаю степень готовности чужого члена. О, да! Готов - как пионер!

- Стас, отпусти, - хрипло шепчет «пионер», все откровеннее и настойчивей вжимаясь задницей в мой пах.

- Уверен? - глажу подрагивающий живот, нетерпеливыми пальцами пробираясь под резинку спортивных штанов и боксеров. - Ты уж реши, отпустить мне тебя или...

- Или... - запрокидывая мне на плечо голову, сдается Зайка.

Как выстрел - взрывающий мозг. Как электрический разряд - вновь запустивший застывшее сердце.

И я, судорожно думая, чем же можно сейчас заменить смазку, спускаюсь ладонью все ниже, и дальше, и глубже, пока не добираюсь до...

Вот же черт! Пальцы словно обожгло, а ошалевшее сердце чуть не расплющило о ребра: Зайка был девственно чист, гладко выбрит – везде. Растянут и обильно смазан. Непредсказуемый, невозможный, невероятный... Провокатор и игрок... Любимый, сумасшедший и сумасводящий... Мой!

- Ты... ты знал?! - севшим голосом, буквально хриплю я. - Знал, что я не сдержусь?

- Не знал, - Женька осторожно прикоснулся губами к моей скуле, согрел дыханием и ласково лизнул. - Просто надеялся и очень хотел. Тебя хотел!

И сдернув с себя футболку, опустил на локти, широко разведя бедра, прогнувшись в пояснице и блеснув бездонным озером возбуждения в глазах. А я опять цепенею от вида широких плеч, плавных линий спины, ямочек на поясницы и розовых половинок.

- Ну, давай же, Гризли...

Всё! Меня порвало на сотню маленьких медвежат, каждый из которых самозабвенно пытался поцеловать, укусить, облизать и приласкать «бедного» Зайку. Сорванные футболки и штаны неопрятной кучкой валяются на матах, я кусачими поцелуями практически рву кожу на спине любимого мальчика, оставляя синяки и царапины на гладких мышцах. А мне выгибаются навстречу, подставляют шею и плечи, что-то тихо шепчут и трутся ягодицами о мой железный стояк. Наши негромкие стоны звонким эхом множатся в гулкой тишине зала, окончательно разнося на куски самообладание и выдержку. Со своим рассудком я давно попрощался, сейчас моим телом владели похоть и страсть.

Ну, Зайка, теперь держись!

Вцепившись в Женькины плечи, я практически ворвался в его тело, прижимаясь грудью к моментально вспотевшей спине и вцепившись зубами в холку. Потерявшись во времени и пространстве, забыв обо всем, кроме так щедро доверенного мне тела, я просто умирал от счастья. Остановиться – невозможно, молчать – невыносимо, а думать – просто не получается. Сумасшедшие и рваные, медленные и тягучие, размашистые и глубокие движения тел навстречу друг другу, уносили обоих за грань реальности, до вакуума в голове, до огненных всполохов перед глазами и шквальных волн кайфа и экстаза, топящих наши тела. Мы горели, задыхались и тонули друг в друге, сорвавшись в пропасть сумасшедшего физического оргазма и, взлетев на горячих, безумных крыльях оргазма ментального.

Мокрые, уставшие и затраханые, мы приходили в себя в тишине спортивного зала, еще не до конца веря в то, что произошло.

- Жень, а почему ты медведя не забрал? – задал я какой-то странный вопрос, скользя пальцами по его пояснице.

- А чтобы был повод вернуться... - сухие искусанные губы прикоснулись к моему плечу, даря мягкое тепло.

<center> *</center>

Потом я увез Женьку к себе домой, рыча и огрызаясь на его робкие протесты. А вечером, сытые, расслабленные и довольные, мы валялись на диване, лениво поглядывая на проделки героев нового диснеевского шедевра. Женька – полулежа, откинувшись на подушки, и я – в любимой позе, примостив голову на его коленях.

- Стас, ты же научишь меня всему? – тихонько поглаживал меня по голове Зайка.

- Всему? – открываю глаза, медленно выплывая из сладкого омута блаженства.

- Ну, сексу... И тому, что сам знаешь и умеешь... - Ой! Мальчик опять смутился и нервно заерзал.

- Боюсь, нам придется учиться вместе. Я вот, например, не умею и никогда не делал так... - поворачиваюсь лицом к Женькиному животу, приспускаю его штаны и целую головку мгновенно отреагировавшего на ласку члена.

Зайка рвано выдыхает и мертвой хваткой цепляется в мои волосы.

- А еще - я не умею делать так... - языком провожу по всей длине, наслаждаясь сбившимся дыханием и движением его бедер мне навстречу. - Ну, что, будем учиться вместе?!

И мы учились. Вместе. Почти каждый день и каждую ночь. Зайка учился доверять и принимать заботу. Я – считаться с желаниями, возможностями и мнением других. Учились – любить! Вот кто бы знал, что дарить себя гораздо приятнее, чем получать удовольствие. Что на любимом теле просто нет точек и местечек, к которым не хотелось бы прикоснуться пальцами или ладонью, поцеловать или пройти по ним влажным ласковым языком. Что за простое слово «люблю» ты готов умереть самой мучительной и страшной смертью. А за косой взгляд, брошенный в сторону твоего парня – убить.

Учились и спорили. Яростно и неистово. По поводу и без. А потом также яростно мирились, до томной слабости в теле, до разноцветных искр в глаза и пересохших, опухших от поцелуев губ.

Уговорить Женьку переехать ко мне я смог только после угрозы, что сам перееду к нему жить, и тогда уже через пару дней все его соседи во главе с бабой Томой будут знать подробности нашей «суровой мужской дружбы». Скрипя зубами, Зайка согласился, но еще долго дулся на меня, а я совершенствовал свое искусство минета, вымаливая и вылизывая у него прощение. На коленях.

<center> *</center>

Через месяц, в выходные на дачу к Андрею я приехал уже с Зайкой. Парень моментально завоевал женское внимание и любовь. Ната, под тяжелыми взглядами двух ревнивых идиотов – меня и Андрея - накладывала парню в тарелку самые вкусные кусочки, а четырехлетние дублированные кокетки обезьянками висели на нем, постоянно утаскивая куда-то поиграть. Вернуть себе свое я смог только вечером, уведя Женьку в баню, под дружный рев малолетних красоток.

Когда все страсти улеглись вместе с уснувшими детками, пришел черед пьяных мужских разговоров о... работе.

- Женя, ты же учишься в медицинском? – подперев рукой тяжелую голову, вопрошал Андрей. - Кем будешь после окончания учебы? Куда работать потом пойдешь?

- Фельдшером, - отвечает парень, теребя край скатерти. - Могу на «Скорой» работать или в медпункте на каком-нибудь предприятии.

- В медпункте... - самоназначенный следователь трет пальцами виски. - А дальше учиться будешь?

- Хочу. Очень. Если получится, то через год буду поступать в ВУЗ, - косится на меня Зайка и улыбается.

- Молодец! А давай мы у нас в агентстве медпункт организуем, - загорается новой идеей «Могучий мозг агентства «Гризли», - будешь вывихи парням вправлять, синяки выводить и таблетки от головы... тьфу, ты... для головы в бухгалтерию таскать. А? Как идея?

- Ну, я не знаю. Я же еще не закончил учиться...

- Вот как раз и закончишь, и практика у тебя сразу будет, - радовался, как ребенок, Андрей, пытаясь оторвать нам с Максом руки. - Ну, ребята, скажите, что я гений!

Да, сейчас я Андрюху готов признать даже богом и расцеловать в уста сахарные, ведь легким вывертом своего нетрезвого мозга он практически решил наш спор с Зайкой о его работе в ресторане и больнице.

- Хорошая идея! - в разговор вмешался Макс. - Собственный доктор в агентстве - мечта! Соглашайся, Жень.

- Я...

- Откажешься - обижусь! И Стаса уволю к чертям собачьим... - пьяному Лису сейчас даже море было по колено.

- Да, решили уже все! Медицинскому кабинету быть, - Макс сказал свое веское слово, поставив жирную точку в переговорах. - И это будут твои владения, Евгений... как там тебя по батюшке... Александрович.

Разошлись далеко за полночь - довольные друг другом, пьяные и горя желанием побыстрее приступить к воплощению общей мечты. Нас с Женькой положили спать на диване в кухне, аккуратно намекнув на тонкие стены и перегородки, чуткий хозяйский сон и ранимую детскую психику. Зайка знакомо залился румянцем, опустил глаза, пообещав вести себя тихо, как мышки, и... под утро утащил меня проверить «не остыла ли за ночь баня». Когда я отказывался? Никогда. Баня не остыла...

Еще через месяц Женька стал хозяином двух небольших комнат, оборудованных под медицинские надобности. Надо было видеть, с каким восторгом он ходил по своему кабинету, перебирал пузырьки, блистеры с таблетками, разные склянки и инструменты. Поправлял на себе нежно-зеленый рабочий костюмчик; переставлял с места на место ширму; томно вздыхал, глядя на табличку со своим именем. Я просто умилялся, стоя в дверях и подпирая плечом косяк.

Жизнь наладилась, повернувшись наконец-то ко мне улыбающейся в хищном оскале морд... лицом. Засыпая по ночам, я сжимал в объятьях свое сокровище, по утрам - млея и таял под прицелом серых глаз и от прикосновения любимых губ. Андрей, взяв с Зайки торжественную клятву получить в самое ближайшее время высшее медицинское образование - нянчил мечту о реабилитационном центре травматологии на базе нашего спортзала. Медпункт исправно работал. Доктор замазывал ссадины, останавливая кровотечения из носа, купировал мигрени и головные боли. Все вокруг были счастливы и условно здоровы, кроме меня - появление в агентстве медпункта просто чудовищно подорвало мое «хрупкое» здоровье. И Зайке приходилось регулярно «лечить» меня: то от острого спермотоксикоза - выгибаясь под ударами моего ненасытного члена; то от аномальной нехватки в организме белков и протеинов - дуря от моих губ и языка.

Только одно не давало мне покоя и порой превращало мои сладкие сны в неприятные кошмары. Зайка так ни разу и не сказал мне заветное и долгожданное – люблю...

===== Эпилог =====

Прошло три года.

Два месяца, два бесконечных одиноких месяца я не видел серых лукавых глаз, не обнимал обожаемое тело и не «любил» до беспамятства своего Зайку. Почти на все лето парень уехал в Сибирь на учебную практику, спасать от вымирания какие-то малочисленные северные народы. Площадь железнодорожного вокзала плавилась под лучами раскаленного солнца. Август выдался знойным и жарким, не спасали даже кондиционеры. Салон автомобиля провонял сигаретным дымом и горячим пластиком; любимая музыка – бесила; а шоколадный торт, купленный специально для «блудного сына», медленно, но верно превращался в безобразную сладкую кучку. Поезд, который сегодня должен вернуть мое сокровище, задерживался. Прислушиваюсь к противному металлическому голосу вокзального объявления и с облегчением выдыхаю. Ну, наконец-то – состав прибывает на третий путь. Еще немножко, еще пятнадцать минут, может быть – десять, пять – и я увижу своего Зайку.

Женька подлетел к автомобилю, сверкая глазами и светясь радостной улыбкой, не стеснясь спешащих мимо граждан-товарищей, бросил под ноги сумку, с разбега запрыгивая на меня. Если бы не капот автомобиля, остановивший мое падение, валяться бы нам обоим в горячей пыли. За три года парень заматерел, тело обвили сухие гладкие мускулы, вечный короткий ежик сменила стильная удлиненная стрижка. И как я только отпустил от себя на целых два месяца этот ходячий соблазн и сексуальную провокацию?

- Стас, привет! – целовал мои скулы, глаза и губы счастливый парень. – Как же я соскучился!

Господи! А как соскучился я?! Меня аж трясло от нетерпения и возбуждения. С неохотой выпускаю из рук любимую тушку и, пока еще могу трезво мыслить, говорю:

- Жень, давай в машину. Я дома тебе расскажу и покажу то, что чувствовал все эти месяцы.

- Хорошо, я тоже хочу домой. Очень! – Зайка кинул сумку в багажник и, сев на заднее сиденье, хитро захихикал. – От греха подальше...

О, да! Грех рвался их моих штанов настойчиво и целеустремленно, и мне пришлось признать, что так, наверное, действительно будет лучше. Создавать на дороге аварийную ситуацию в мои планы не входило. Планировалось что-то более развратно-глобальное и ну очень приятное. Дома. В уютной спальне. На просторной кровати. В душе. И на... Ох! Надо срочно добраться хотя бы до кровати.

До дома доехали быстро, целоваться и тискаться начали еще в лифте, но когда я прижал его в прихожей к стене и стянул с него рубашку, парень начал вырываться.

- Стас, ну подожди. Пожалуйста, – он ужом вертелся в моих руках. – Я почти неделю в душном, грязном плацкарте потел. Я в душ хочу. И сок. Апельсиновый.

Вывернулся. И ускакал в ванную, хлопнув дверь перед моим любопытным носом.

- Женечка, – тоскливо скулил я и царапал закрытую дверь. – Зайка, ну давай я тебе помогу, потру спинку, попку...

Ответом мне был лишь шум падающей воды и мягкий смех.

Ладно, пусть будет так! И по устоявшейся традиции тоже отправляюсь в душ, охладить голову, ну и еще вторую голову, а также немножко успокоиться и освежиться.

В спальню мы вернулись одновременно, я - абсолютно голый, со стаканом сока и выдающимся (во всех смыслах) стояком, и Женька - почему-то в боксерах. Поиграть мальчик решил?! Так я только "за"! Затащив Зайку на кровать и навалившись сверху, только уже собрался претворить в жизнь все свои самые смелые и распутные желания и мечты, но этот маленький сексуальный изверг опять меня остановил.

- Стас, а можно я тебе подарок на день рождения сейчас подарю? - уворачиваясь от моих настойчивых губ, упирался ладонями мне в грудь Зайка. - Не смогу я еще целых два дня ждать. Ну, Ста-а-ас!

Нет, он издевается, что ли?

- Что с тобой делать, - заваливаюсь рядом, пытаюсь расслабиться и унять сумасшедшее сердце. - Дари! Вот только я бы предпочел сейчас тебя - как самый лучший в мире подарок.

Женька, сбегал к сумке и, забравшись коленями на кровать, торжественно протянул мне на ладони медвежий коготь, подвешенный на плетеном кожаном шнурке. Ух ты! Я таких украшений даже не видел никогда.

- Вот! Самый настоящий. От хозяина тайги, - радовался он, как ребенок. - Стас, а можно я его тебе сам надену?

Да все что угодно!

Кожаный шнурок обвил шею, жесткие шерстинки царапнули кожу, глухо застучали деревянные бусины, и коготь удобно лег в выемку между ключицами.

- Ты, такой... - восхищенно рассматривал меня Зайка.

- Спасибо, родной! Подарок просто невероятный! - ловлю парня за руку, целую в висок и подминаю под себя. - Но теперь я хочу то, чего ты лишил меня на целых два месяца.

- Нет, Стас! Подожди! У меня для тебя еще один подарок есть.

Да я сейчас сдохну от перевозбуждения! Не надо мне ничего.

- С Днем рождения, Гризли! - Женька медленно переворачивается ко мне спиной, приспускает боксеры и с опаской оглядывается из-за плеча, ожидая моей реакции.

Меня же просто выключило из реальности. Я и так каждый раз зависал и искрил на его «вид сзади», а тут такое! На правой ягодице Зайки, мягко переходя на поясницу и бедро, ровно на том месте, где во сне обычно лежит моя рука, красовался вытатуированный след медвежьей лапы.

О, Господи! Ну, нельзя так издеваться над моей психикой, нельзя!

От нахлынувших каких-то еще незнакомых мне чувств и нереально острого восторга замерло сердце и сбилось дыхание. Я накрыл татуировку ладонью, которая так идеально вписалась в размер и контуры рисунка. Дрожащими, непослушными пальцами очертил линии искусного

узора, ласково обвел каждый завиток, штришок, черточку.

И вдруг очень четко понял – это было Зайкино признание. Признание, которое я так ждал и мечтал услышать от него больше трех лет. Признание, которое Женька не смог сказать словами и показал мне вот так! Признание – клеймом горящее на его шелковой коже и на моем сердце, которое так сладко сжималось от счастья, а мозг рвало на куски от переизбытка эмоций и выворачивало наизнанку душу.

- Жень... - сглатываю шипастый комок в горле.

- Тебе нравится? - хриплый бархатный шепот в ответ.

- Я. Тебя. Люблю!

Уже потом я снова и снова рисовал узор татуировки на его теле – кончиками пальцев, языком и губами. Зацеловывал, вылизывал и нежил ягодички, бедра... каждую клеточку любимого тела, каждый изгиб, ложбинку, ямочку, каждую подрагивающую мышцу, не пряча счастливых слез и не сдерживая потока нежных глупостей, срывающихся с языка. И любил, любил и опять любил своего Зайку. Долго. Жарко. Страстно. Нежно. Медленно и горячо.

<center> *</center>

А еще через неделю, бессовестно украв идею Зайки, я тоже с гордостью щеголял татуировкой, выбитой на груди, в области сердца – милой мордочкой зайчика, с хитрыми глазками, потешными ушками и черным носиком. Правда, ухаживать за подживающей татушкой пришлось моему доктору. Вот и сейчас я сидел на кушетке в Женькиных владениях, а он накладывал мне на грудь повязку с мазью. Ну как накладывал – пытался, нервно хихикая и извиваясь в попытке избежать моих бесстыжих губ и наглых пальцев.

- Стас, прекрати! – шипел Женька, в очередной раз скидывая мои руки со своей задницы. - Я не могу так работать. И не хочу, чтобы мой лучший пациент умер от заражения крови прямо у меня в медпункте.

- Ах, дохтур не хочет лишиться своего самого преданного больного, - опять ловлю Женькины губы и уютно размещаю ладони на упругих ягодицах. - А я вот готов умереть в медпункте. Прямо сейчас. От удовольствия.

- Стас! - взвыл доктор, отдирая от себя и удерживая мои разведенные ладони. - Я же хочу...

Поперхнувшись, горячим воздухом, натыкаюсь на абсолютно серьезный и внимательный серый взгляд. Дурачиться и шалить почему-то мгновенно расхотелось.

- Так чего же так хочет мой Зайка? – шепчу в зацелованные губы.

И Женька уже сам, обнимая себя моими руками и прижимаясь губами к моему виску, медленно и тихо выдохнул:

- Тебя. На всю жизнь.

<center>КОНЕЦ</center>